

© 2014 г.

Б. В. Варнеке

СТАРЫЕ ФИЛОЛОГИ¹

(Публикация и комментарии *И.В. Тункиной*)

Оправдывали поклонники Зелинского такую манеру его изложения необходимостью приспособляться ко вкусам и запросам широкого круга читателей. Но их состав очень разношерстен. Одновременно с ним печатали в «толстых» журналах Ю.А. Кулаковский² главы из «Смерть и бессмертие»³, И.В. Цветаев свои образцовые по простоте и содержательности очерки из жизни римских школ⁴. Стало быть, все дело – какому зрителю жаждал угодить Ф.Ф. Думаю, тому самому, который восторгался дореволюционным кривляньем Мейерхольда, «Балаганчиком» Блока, мистериальными грезами Вячеслава Иванова⁵ и всей той ерундой⁶, какая у нас господствовала перед крушением «старого порядка».

¹ Окончание. Начало см. ВДИ. 2013. № 3. С. 191–201; № 4. С. 123–155.

² Кулаковский Юлиан Андреевич (1855–1919), историк; магистр (1883), доктор (1888) римской словесности; член-корреспондент ПАН (1906). Учился на ИФФ МУ (1873–1876), младший преподаватель латинского языка Лицея цесаревича Николая (1877–1878). Командирован в Германию (1878–1880), слушал лекции Т. Моммзена. После сдачи магистерских экзаменов в МУ (1881) приступил к преподаванию в Киеве: приват-доцент (1881–1882), доцент (1883–1884), экстраординарный (1884–1888), ординарный (1888–1906), заслуженный ординарный (1906), сверхштатный заслуженный ординарный (1906–1919) профессор кафедры римской словесности, секретарь ИФФ (1890–1906), член Совета УСВ, профессор греческой истории ВЖК в Киеве (с 1884); член Комиссии по преобразованию вузов МНП (с 1902). См. Пучков 2004.

³ Кулаковский 1897.

⁴ Цветаев 1902.

⁵ Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949), поэт и философ; доктор классической филологии (1921). Учился на ИФФ МУ (1884–1886) у П.Г. Виноградова, но, не закончив курса, уехал за границу. Продолжил учебу (1886–1891) в Берлинском университете у О. Гиршфельда и Т. Моммзена. Долгие годы странствовал, затем жил в Петербурге (1905–1912). В доме с Башней на Таврической улице в 1905–1907 проходили знаменитые ивановские «среды», объединявшие цвет русской артистической, литературной и философской интеллигенции. Читал лекции по истории греческой литературы на курсах Раева. В 1913 переехал в Москву. С 1920 профессор Азербайджанского государственного университета (преподавал древнюю и новую литературу и языки, историю религии и европейской философии). В 1924 командирован за границу, выехал в Италию (Рим) и в Россию не вернулся. До 1936 сохранял советское подданство.

Б.В. Варнеке скорее всего имеет в виду статьи и книги Вяч.И. Иванова «Эллинская религия страдающего бога» (1904), «Новая органическая эпоха и театр будущего» (1906), «“Ревизор” Гоголя и комедия Аристофана» (1923), «Дионис и прадионисийство» (1923).

⁶ Б.В. Варнеке как сторонник реализма XIX в. категорически не принимал декадентские веяния в философии, литературе, музыке, театре эпохи Серебряного века, вслед за М.П. Садовским называя их адептов «апостолами Ибсена» (ГЦТМ. Ф. 458. Оп. 1. Д. 64. Л. 2 об.).

Еще студентом я был предназначен к оставлению для подготовки к профессорскому званию, и проф. Ф.Ф. Зелинский, игравший на поощрении молодых талантов, таких обещающих студентов удостоивал приглашения на свои «нечетные четверги». На них главными козырями были такие видные ученые, как Н.И. Кареев, А.И. Введенский, С.Ф. Платонов или В.В. Латышев, но ради поощрения допускалась и ученая мелочь обоего пола. Обязательно было появление на четвергах тех филологов, кому предстояло у Ф.Ф. Зелинского пройти муку магистерского экзамена. Для декорации «демократического фона» к этим тузам и козырям допускалось в малом количестве и студенчество. Для меня всю жизнь посещение т(ак) н(азываемых) «семейных» домов являлось одним из тягчайших мучений, а встреча с такими учеными дамами, как, например, жена профессора Платонова, переводившая с греческого Риторику Аристотеля и другие умные вещи, приводила в сплошной ужас и превращала в немой соляной столб.

Хозяин очень дорожил успехом своих четвергов и всячески старался соединить науку с свободными искусствами. Для этого он сам старался подать пример, вплетая в ученые сплетни цветы высокой поэзии. Шляпа министра Зенгера давала ему повод припомнить отрывок из сказки Щедрина, про своего гонителя, председателя Ученого комитета академика Сонина он ехидничал параллельно из малоизвестного рассказа Достоевского, что приводило его почитателей в священный трепет перед беспредельностью его начитанности.

Правда, однажды по делу он вызвал меня за полчала до начала официального «четверга» и наедине я застал его подзубривающим какие-то стихи Фета. Когда собрались гости и после ученой части в кабинете перешли в столовую и там кто-то случайно обмолвился словом, встречающимся в этих стихах, Зелинский мистически откинул назад голову, процедил сквозь зубы это слово, и показывая вид, будто припоминает давно забытую вещь, провещал как раз те самые стихи Фета, за «усвоением» которых я так некстати его застал. Таким образом мне лично тайна его лаборатории поэтических фейерверков была открыта.

Раз как-то перед самым переходом в столовую появился среди обычных посетителей очень неказистый франт с гладко прилизанными рыжими волосами, таракаными усами и довольно свинячьими глазками; мешки под ними и подозрительная краснота носа «лупеткой» заставляли думать, что он не враг спиртных напитков.

Хозяин, как и всех гостей, встретил его с восторженной радостью, заимствованной из практики германского Kneipwesen⁸. Новый гость всех обошел, пожимая руку и бормоча под нос себе весьма невразумительно свою фамилию.

За столом он, как на грех, оказался моим соседом, и это дало мне возможность вдосталь налюбоваться и его сиреневым жилетом и каким-то невероятно пышным галстуком оливкового цвета. Это при его мизерной наружности заставило меня принять его за какого-нибудь родственника хозяев из числа приехавших из Тирасполя или Крыжополя провизоров или акцизных надзирателей. Благодарен я был ему за его полную молчаливость. Я видел только, как грустно посмотрел он на графинчик с водкой, откуда хозяин разлил мужчинам только по малюсенькому наперстку, повторение чего было безнадежно из-за полного истощения содержания столь, очевидно, приятного его сердцу флакона. С тем большим рвением ухватился он за свой стакан с красным вином, марка которого тоже, видимо, его разочаровала сильно.

Хозяин на моего соседа обращал мало внимания и близился уже тот вождеденный час, когда можно было считать очередной «четверг» отбытым, как вдруг Зелинский, видимо спохватился, что неловко редкого гостя оставлять безгласным, среди наступившей паузы спросил его:

– Какой из общелитературных журналов вы находите наиболее передовым?

Мой сосед с трудом дождал кусок полендвичи и вяло поворачивая языком просюсюкал:

– Пожалуй, все-таки «Северный Вестник».

⁷ В «Приложении» приводятся отрывки из неопубликованных воспоминаний Б.В. Варнеке «Литературные встречи» (1931). В первом описан один из журфиксов на квартире Ф.Ф. Зелинского, во втором речь идет об А.А. Блоке, который в университете был слушателем Б.В. Варнеке, констатировавшего впоследствии: «с великими поэтами мне в жизни вообще не везло».

⁸ Кабацкое поведение (*нем. разг.*).

Мне природа вообще отказала в даре застольных бесед, а на четвергах у Зелинского, среди столь высоких тузов учености, я доселе не срывал печати молчания с уст своих, но тут какой-то злой демон подтолкнул меня и я счел уместным проявить свою начитанность и вставил вопрос:

– Ну как же так, коль там печатают такую зеленью ахинею, как стихи разных Бальмонтов?

Если бы я при всем честном народе снял брюки и в голом виде на столе начал танцевать канкан, эффект был бы не больший!

Не только мое, но и самое искусное перо бессильно передать то презрение, с каким на меня взирал с высоты своего олимпийского величия хозяин.

Мой сосед с другой стороны, будущий профессор П.П. Митрофанов прошипел:

– Здорово! Ведь как раз Бальмонт-то и сидит с вами рядом!

Не думаю, чтобы Ванцетти на электрическом стуле чувствовал себя хуже, чем я мучился до той минуты, когда парадная дверь захлопнулась за нами. Зелинский простился со мной зловеще сухо, и я сознавал себя преступником, испортившим все величие торжественного визита.

На лестнице вышедший вместе со мной философ профессор Введенский вдруг захохотал и поощрительно хлопнул меня по плечу:

– А ловко вы саданули эту рыжую кривляку...

Подвернувшийся тут же Митрофанов добавил:

– Ну, батенька, ставьте крест: пан Тадеуш вам этого не простит в веки вечные. Он так подмазывается к модным декадентам...

Не помню, как я добрел до своего института. К Доминику, куда я обычно заходил, чтобы там на свободе вознаградить себя от лицемерной скуки высокоумного журфиска, я на этот раз и не подумал зайти. И всю ночь до утра проворочался, зная слишком хорошо, как жадно подхватывает ученый мир всякую сплетню, я предвидел, какой будет злорадный пересуд этой встречи московского поэта за столом у Зелинского, и боялся, что он по своей свирепости не простит моей выходки, а нажать врага в таком влиятельном в филологическом мире человеке было страшно и не такому беспомощному новичку, каким был я. Ту поддержку, которую я только что начал от него встречать, я считал совсем погибшей!

Эти страхи мои тянулись долго, и два следующих «четверга» я малодушно пропустил, считая, что больше в дом к Зелинскому мне хода нет.

Но он оказался куда выше моих опасений. Встретив [меня] как-то в коридоре института, он, как ни в чем не бывало, остановил меня, дал новый заказ для близкого ему издательства учебников Георгиевского и Манштейна и участливо спросил меня, не хвораю ли я, и почему не показываюсь на четвергах?

Про несчастный случай с Бальмонтом ни тогда, ни позже он не обмолвился и намеком, а я тем менее склонен был переворачивать эту позорную страницу своих светских походов.

В учебном 1903/4 году я вел в Петербургском университете обязательный для всех филологов 2 курса семинарий по латинской поэзии, для которого выбрал *Amores* Овидия. Записалось ко мне по неволе человек 200, и когда на первых же лекциях я увидел около 20 студентов, я искренно поздравил себя с таким блестящим успехом.

Еще пока я сам читал вступительный очерк, я заметил, что поблизости от меня за столом сидел какой-то чересчур изящный юноша в тужурке, обильно подбитой на гвардейский манер ватой, с весьма тщательно причесанной головой, от которой исходило какое-то парикмахерское благоухание. Гнусный обычай безобразить себе руки через маникюр тогда еще не был у нас известен, но его ноготочки как-то противно сияли и сверкали блестящим лаком.

За всю свою и позднейшую профессорскую деятельность я очень не любил встречать в аудитории таких парикмахерских эстетов, и тут я к этому слушателю сразу настроился недоверчиво. Не трудно было подметить, что и остальные студенты держатся от него как-то в стороне.

Когда дело дошло до разбора студенческих рефератов по алфавитному порядку, то одним из первых выступил этот задумчивый щеголь. Свой доклад он написал на квадратных зеленоватых листах толстой бумаги, вынутых из редкого у филологов того времени портфеля, и стал по ним читать торжественно замогильным голосом. Не то, что теперь: через 28 лет, но и через полчаса после звонка я не мог бы точно передать смысл его доклада: ни-

какого смысла и не было вовсе в нем, а только сплошной набор таких вещаний, как «мистерии плоти», «священная литургия сладострастья», «астральный оргазм греха», «дионисический вихрь вселенской любви», «извечные скрижали мирового Эроса» и тому подобная чепуха, которую потом насаждал у нас Вячеслав Иванов и его последователи. В те годы этот бред был еще мало распространен, а после революции 1905 г., когда Митрофаны из московских купчиков на тятенкины деньги завели разные Весы, Аполлоны, Золотые Руна, где переливали в российские мозги ерунду, заимствованную в парижских кабаках, приходилось частенько то же самое встречать под этими модными в те годы литературными вывесками.

Следить за его изложением я скоро бросил, увидав, что толку тут не добьешься, и что вместо делового пересказа и разбора одного из стихотворений Овидия, где он без всяких вывертов кается в своих увлечениях римскими дамами и их служанками, докладчик дает волю своим личным умозаключениям, не заглянув ни в одну из тех статей, знакомство с которыми показать и должен был он в своем докладе.

Мне занимательно было, как относится к этому ломанью остальная аудитория, с которой мне предстояло работать целый год: окажись большинство ее того же толку, пришлось бы бросать дело. К счастью, по лицам слушателей я сразу увидал, что их настроение гораздо ближе к моему.

Когда последний листик был прочитан, я предложил по обычаю слушателям сделать свои вопросы и замечания. Тут уже вне всякого сомнения стало ясно, что они сумели раскусить кривляку и одни пеняли ему, что в его докладе от предназначенного к его разбору стихотворения Овидия не осталось и следа, другие пытались получить от него более точные указания, что это за штука вселенский Эрос и в каком он находится отношении к известному в мифологии Эроту, а третьи просто молчали, с интересом ожидая, во что вся эта беседа выльется.

Помню хорошо ядовитую усмешку одного очень бедно одетого рыжего семинариста с Волги, как об этом можно было заключить по сугубому подчеркиванию *o*:

– А скажите, *collega* Блок, – тут я записал фамилию докладчика: вот когда мы грешным делом теперь на Невском девиц под ручку хватаем, это тоже, по вашему, священной литургией сладострастья называется?

– Само собой, – презрительно процедил Блок.

– Мы, признаться, это куда проще называем, – заметил ко всеобщему удовольствию оппонент.

Надо отдать справедливость Блоку: чувствуя отсутствие единомышленников, он держал себя и ловко и крепко: еще больше ушел в себя, отделялся полусловами, и только глаза его полны были снисходительного презрения к толпе невежд, да дрожание руки нервно крутили серебряный карандашик.

После студентов пришла моя очередь высказаться: я начал с указания, что все нами прослушанное к филологии ни малейшего отношения не имеет, и что тему надо заново обработать приемами, доступными общечеловеческому разуму, тогда как этого реферата я принять не могу.

Блок ни слова мне не сказал, молча запрятал свои драгоценные листы в нарядный портфель и ушел из аудитории с таким видом как Галилей уходил из камеры инквизиторов.

Больше я его среди своих слушателей никогда не видал, и курс остался ему не зачтенным.

Когда впоследствии в Казани я стал читать про его выступления с разными Балаганчиками под флагом Мейерхольда, я узнал, какие плоды принесло то начало, свидетелем которого довелось мне быть.

Уже после 1917 г. попалась мне под руки его книжонка про Катилину. Много в своей жизни мне приходилось читать вздора про древний мир, но редко, когда печатное слово заставляло меня так краснеть и стыдиться, как я это испытывал, читая сей посмертный труд гремевшего поэта. Мне стыдно было не за него: наша оценка ему никогда нужна не была, а стыдно было за петербургский факультет, удостоивший диплома филолога человека, не способного даже отдаленно разобраться в исторической обстановке и так легко доступных источниках и пособиях. Человеческое невежество и наглость беспредельны, но если старый университет своим ярлыком находил возможным прикрывать такие свойства, то это приобретало значение культурной катастрофы, одним из зловещих признаков приближения которой и было царство Блоков и Вячеславов Ивановых.

Предельной околесицей являлись те мечтания Ф.Ф., какие он посвящал неведомой славянке грядущего под выпрепленным заголовком «Vince Sol»⁹ и его предисловия и введения к Софокловым трагедиям в издании братьев Сабашниковых¹⁰. С этими переводами имели дело люди театра – и режиссеры, и актерская молодежь. То, что плели о Дионисовых таинствах Вяч. Иванов¹¹ или Евреинов¹², не прикрывалось маркой ученого профессора, а имя Зелинского имело очень большой вес. И редакция «Ежегодника Императорских театров» попросила меня высказаться на этот счет. Не хотелось мне браться за это: слишком много заслуг было за Зелинским, но и молчание могло быть принято за знак согласия. С очень большой сдержанностью, всячески оберегая его самолюбие, я все-таки высказал свою точку зрения¹³, совершенно искренне противопоставив этим неистовствам Зелинского скромный, но деловой труд Церетели по Менандру¹⁴.

⁹ «Побеждай, солнце!» (*лат.*). Имеется в виду «символистское стихотворение в прозе» (1905), написание которого Зелинского подвигнула «сестра Нестора Котляревского, супруга молодого, застенчивого философа Лебедева, хорошенькая, живая и очень ко мне благоволившая» (Зелинский 2012, 150). Это программный текст об идее Третьего Возрождения (Зелинский 1911), выдвинутой Ф.Ф. Зелинским и поддержанной И.Ф. Анненским и Вяч. Ивановым. По убеждению автора, «Славянское возрождение» – третье «в ряду великих ренессансов после романского – XIV-го и германского – XVIII веков». Славянский мир, благодарный впоследствии дионисийских чувств, должен был противостоять грядущей эпохе нового варварства, предсказанной еще Т. Моммзенем. Миссия славян, для которых античность являлась духовной прародиной, – «возрождение классической культуры в гармонии с христианством» (Аксер 2012, 18). Роль античности как прогрессивной силы в истории человечества в целом и в новой культуре в частности он определял кратким афоризмом: «не норма, а семья». Подробнее об идее Третьего Возрождения см. Николаев 1997; 2006; Боровский 2009, 364–368.

¹⁰ См. Софокл 1914–1915; Зелинский 1914–1915; 1915.

¹¹ Иванов 1923.

¹² Евреинов Николай Николаевич (1879–1953), драматург, теоретик модернистского театра, режиссер. Скорее всего, Варнеке имеет в виду издание: Аристофан 1912.

¹³ Варнеке 1914а (1918).

¹⁴ Церетели Григорий Филимонович (1870–1939), филолог-классик, папириолог, палеограф; магистр древнеклассической филологии (1904), доктор греческой словесности (1914); член-корреспондент РАН (1917) и Германского археологического института. Выпускник ИФФ ПУ (1893), ученик акад. В.К. Эрнштедта, был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, преподаватель греческой палеографии в Петербургском археологическом институте (ПАИ, 1893–1897, 1902–1904), совершенствовал образование за границей (1897–1901). Приват-доцент (1902–1904) кафедры классической филологии ИФФ ПУ; экстраординарный (1905–1914), с 1914 ординарный профессор кафедры классической филологии, греческих и римских древностей ЮУ, профессор ВЖК (1914–1916), ординарный профессор по кафедре классической филологии ПУ (1914–1920) и Тифлисского (1920–1938) университета. Арестовывался в 1919, 1931 и в мае 1938, содержался в Ортачальской тюрьме (1939), погиб на этапе. См. Фихман 1995.

Варнеке имеет в виду книгу Церетели 1914. См. сходную оценку самого Г.Ф. Церетели, который в письме к С.А. Жебелёву от 21 декабря 1913 г. охарактеризовал отзыв официального оппонента Ф.Ф. Зелинского на свою докторскую диссертацию «Новые комедии Менандра» (Церетели 1914): «Отзыв Зелинского совсем не понравился. Я... терпеть не могу таких отзывов, в которых просто хвалят или бранят, ибо и то, и другое указывает, что книгу не читали, а перелистывали. Приятно другое... когда бранят серьезно, когда данное... разбирают, опровергают или выделяют из него разумное, как орех из шелухи. Вот только такие разборы я и признаю, ибо через них можно дойти и до приближения к научной истине... Весь этот блеск сусальный... В науке важен не блеск, а правда или приближение к ней... В погоне за блеском мы весь свой разум растеряем! Во всяком случае для меня блеск

Если бы я даже и хотел в этом оправдываться, я не мог бы сослаться на затрепанное изречение: *amicus Plato, sed [magis amica veritas]*: к этому времени я успел уже больно разочароваться в нем как в человеке. Сперва поколебал мое благоговение перед ним Корш, считавший все его статьи за шарлатанство. Особенно ему претили его, как он выражался, наскоки на метрику, видя в них родство с ненавистной ему школой Виламовица¹⁵. В споре о дохмиях он считал правым своего Яшу Денисова¹⁶. Восторгаясь Ал. Ив. Введенским, которого он считал неизмеримо выше и Грота¹⁷, и Лопатина¹⁸, и особенно Трубецкого¹⁹, Корш всегда прибавлял: «Ну что бы пану Тадеушу заразиться ясностью мысли и трезвостью суждений у Введенского». Но все его осуждения касались лишь учено-литературного облика Ф.Ф. Людей Корш никогда не судил, относясь очень терпимо ко всем частным и общественным порокам.

не нужен, он к лицу светским генералам – я же генералом никогда не буду и корчить из себя генерала никогда не стану». Цит. по: Фихман 1995, 237, прим. 48.

¹⁵ Виламовиц-Мёллендорф (Willamowitz-Moellendorf) фон, Ульрих (1848–1931), немецкий филолог-классик, эпиграфист, папириолог, историк античной культуры; действительный член Германского археологического института, профессор университетов в Гейфсвальде (с 1876), Тюбингене, Гёттингене (с 1883) и Берлине (с 1897). Женат на дочери Т. Моммзена.

¹⁶ Денисов Яков Андреевич (1862–1919), филолог-классик, историк древнегреческой литературы; магистр (1892), доктор (1898) греческой словесности. Выпускник ИФФ МУ, оставлен для подготовки к профессорскому званию, ученик и близкий друг Ф.Е. Корша, экстраординарный профессор ИФФ ХУ. См. Двадцатипятилетие 1912. Варнеке имеет в виду монографию: Денисов 1898.

¹⁷ Грот Николай Яковлевич (1852–1899), философ, психолог; магистр (1880), доктор (1883) философии. Сын акад. Я.К. Грота. Выпускник ИФФ ПУ (1875), командирован за границу для завершения образования (1875–1876), неоднократно ездил в Германию; исполняющий обязанности экстраординарного профессора кафедры философии и психологии (1876–1883), ученый секретарь, член Правления и Библиотечного совета, редактор «Известий» НИФИ, ординарный профессор ИФФ НУ (1883–1886), профессор кафедры философии ИФФ МУ (1866–1899), инициатор издания и редактор первого русского философского журнала «Вопросы философии и психологии» (с 1889).

¹⁸ Лопатин Лев Михайлович (1855–1920), философ, психолог; магистр (1886), доктор (1891) философии. Близкий друг Вл. Соловьева и кн. С.Н. Трубецкого. Выпускник ИФФ МУ (1879), преподаватель русского языка в реальном училище. После сдачи магистерского экзамена – приват-доцент, затем профессор (1892–1917) МУ и ВЖК В.И. Герье, читал лекции в Неврологическом институте и ряде средних учебных заведений. Член Художественного совета московского Малого театра. Организатор и председатель (1899–1917) Московского психологического общества, редактор его журнала «Вопросы философии и психологии» (до 1917). В 1920 скончался от истощения.

¹⁹ Трубецкой, князь Евгений Николаевич (1863–1920), религиозный философ, правовед, культуролог, общественный деятель, публицист; магистр (1892), доктор (1897) философии. Брат С.Н. Трубецкого, последователь и друг Вл. Соловьева. Выпускник ЮФ МУ (1885), приват-доцент кафедры философии и энциклопедии права Демидовского юридического лицея в Ярославле (ДЮЛЯ, 1886–1894), приват-доцент (1894–1897), ординарный профессор (1897–1905) УСВ, ординарный профессор кафедры энциклопедии и истории философии права МУ (1905–1918). Один из основателей и руководителей Конституционно-демократической партии и Партии мирного обновления (1905). Член Государственного совета от АН (1907–1908). После Октября 1917 покинул Москву с фальшивым паспортом. В годы Гражданской войны служил в рядах Добровольческой армии. Умер от сыпного тифа в Новороссийске незадолго до эвакуации Белой армии.

Меня больше всего оттолкнуло от него поведение на магистерском диспуте И.М. Гревса²⁰, протекавшего при очень скорбных условиях. Два болвана, Боголепов²¹ и Сонин, удалили его вместе еще с несколькими преподавателями из университета²² и этим самым помогли причислению их к лику святых у либеральных «друзей науки» и молодежи. Ясно, что диспут одного из них превратился если не в демонстрацию, то в показывание кукиша из-под полы, особенно когда неофициальным оппонентом выступила другая «жертва», Н.И. Кареев. Степень дать Гревсу было надо хотя бы потому, что ее давали и за более слабые работы, например, за наивнейшую диссертацию Д.К. Петрова²³ о Лопе де Веге²⁴, но его надо было

²⁰ Гревс Иван Михайлович (1860–1941), историк, педагог, краевед, общественный деятель, один из основателей культурологической школы в русской историографии, основоположник семинарской системы и экскурсионного метода в русском университетском образовании; магистр всеобщей истории (1900); доктор исторических наук (1934, без защиты диссертации). Выпускник ИФФ ПУ (1884), оставлен для подготовки к профессорскому званию. Один из основателей студенческого научно-литературного общества при ПУ (1882–1887), член студенческих народовольческих кружков (1881–1883), в 1894 подвергся аресту, состоял под негласным надзором полиции (1886–1903), член партии кадетов со времен революции 1905. С 1886 преподавал в средних учебных заведениях Петербурга, совершенствовал знания в европейских университетах во время заграничной командировки (1889–1892); приват-доцент (1889–1899, уволен за политическую неблагонадежность; 1902–1903), исполняющий должность экстраординарного (1903–1907), ординарного (1907–1918) профессора, профессор кафедры всеобщей истории (1918–1923, 1934–1935) и кафедры истории средних веков (1935–1941) ПУ–ЛГУ, профессор (1892–1899, 1901–1918) и декан (1906–1918) ИФФ ВЖК, возглавлял Гуманитарный отдел Петроградского научно-исследовательского экскурсионного института (1921–1924), с 1925 сотрудничал в Центральном бюро краеведения, занимался краеведением и литературной деятельностью. Заведующий библиотекой ГАИМК (1927–1930).

Речь идет о магистерском диспуте по монографии И.М. Гревса (Гревс 1899), состоявшемся 21 мая (ст. ст.) 1900 г., степень магистра всеобщей истории утверждена Советом историко-филологического факультета Петербургского университета 30 мая. См. рецензии: Зелинский 1900а; b; Кареев 1900; Ростовцев 1900.

Варнеке крайне негативно относился к Гревсу, называл его «горе-историком», ряд трудов которого, написанных «не чернилами, а розовой водицей», заполнены «беспредельным многословием», состоящим из «сплошных кликушеских всхлипываний и вздохов» («Литературные встречи»).

²¹ Боголепов Николай Павлович (1846–1901), юрист, министр народного просвещения (1898–1901). Во время приема в здании министерства был смертельно ранен в шею выстрелом из револьвера бывшим студентом, эсером П.В. Карповичем.

²² В ответ на угрозы ректората в адрес студенчества о недопустимости волнений 8 февраля 1899 г. студенты Петербургского университета сорвали университетский акт и двинулись в центр города, где были избиты казацкими нагайками. Эти события привели к началу первой Всероссийской студенческой забастовки с требованиями свободы слова, собраний, неприкосновенности личности, наказания полицейских чинов за избиения студентов. За сочувствие студенческим требованиям из университета как «политически неблагонадежные» были изгнаны приват-доценты И.М. Гревс, С.А. Венгеров, профессор Н.И. Кареев и др.

²³ Петров Дмитрий Константинович (1872–1925), историк литературы, медиевист, переводчик испанской и арабской классических литератур; магистр (1902), доктор (1907) истории западноевропейских литератур; член-корреспондент РАН (1922). Выпускник ИФФ ПУ (1894), неоднократно командировался с научными целями во Францию и Испанию. Приват-доцент (1899–1908), экстраординарный (1908–1914), ординарный (с 1914) профессор кафедры истории западноевропейских литератур, секретарь ИФФ ПУ.

²⁴ Петров 1901.

высечь, и больно высечь за крайнее пустословие, размазывание на печатный лист того, что достаточно было сказать на двух строках, а главное – за свойственную всем его трудам глупость. Поклонник фразы, он из громадной литературы о Горации и Аттике проглядел самое существенное и брал Горация как исторический источник там, где он просто вставлял готовые клише своих греческих образцов. На это ему и указал очень справедливо Ф.Ф. Соколов к великому возмущению большинства поклонников гонимого таланта, явившихся с снопами цветов и написанной «осанной» на восторженных лицах.

– «Совсем вход Христа в Иерусалим», – заметил М.И. Кудряшев²⁵. – «Не хватает только осла», – прибавил он.

– «А сам диспутант-то на что же?» – возразил пострадавший вместе с Гревсом В.В. Сиповский²⁶.

И вот Зелинский пожелал справить свой триумф на чужом пиру и свое выступление превратил в сплошной панегирик книге, как будто это был лучший труд Моммзена или Эдуарда Мейера. Гревс лил слезы благодарного умиления, его обожательницы прижимали к груди его книгу, словно священный Палладиум.

Из неофициальных оппонентов выступал один Кареев. Его встретили и проводили громом аплодисментов, как Фигнера в «Пиковой даме»²⁷. О Гревсе он почти не говорил, но все свои стрелы направил против Соколова, конечно, не называя его по имени. Положение Соколова было не из легких: диспут пришелся на весну, когда декан П.В. Никитин председательствовал в Москве или Киеве и Ф.Ф. его заступал. Председатель он был слабый, а тут еще нужно было защищать самого себя, и он совсем растерялся.

За всю свою бурную жизнь я не помню дня тяжелее. Я вышел с диспута как в тумане. Если бы кто меня остановил и заговорил со мной, я бы разрыдался. Перекусив чем-то на «поплавке» у Летнего сада, я бросился на пароходик и до поздней ночи пробродил по глухим дорожкам на Крестовском...

От Зелинского такого вольта я не ожидал. Когда вместо умиравшего Л. Мюллера он толковал Горация, он особенно настойчиво вбивал в голову как раз те основы толкования его текста, о которых Гревс и не подозревал и какие нарушал на каждой странице. И обо всем этом он и не заикнулся. Ради чего? Чтобы получить лишнюю улыбку либеральных дев, чтобы свое имя пристегнуть к выстраивавшимся уже в

²⁵ Кудряшев Михаил Иванович (1860–1918), филолог, библиограф, переводчик; член Неофилологического общества при ПУ. Выпускник ИФФ ПУ (1884), Цензор Петербургского почтамта для иностранных книг и журналов (1890–1917), библиотекарь Университетской библиотеки в ПУ (1884–1918). Участвовал в переводах «Реального словаря классической древности» Ф. Любкера (СПб., 1888). Переводчик первого полного перевода «Песни о Нибелунгах» (СПб., 1889, удостоена половиной Пушкинской премии АН). После 1900 от научной деятельности отошел.

²⁶ Сиповский Василий Васильевич (псевд. В. Новодворский) (1872–1930), литературовед, историк русской литературы; магистр (1899), доктор (1911) русской словесности; член-корреспондент РАН (1921). Выпускник ИФФ ПУ (1894), оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской словесности. С 1899 преподаватель в средних учебных заведениях, приват-доцент по кафедре русской словесности ИФФ ПУ (1902–1918), преподаватель ВЖК (1902–1918), профессор и проректор Бакинского университета (1919–1922), действительный член НИИ сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ (1923), профессор ЛГУ (1922–1930). См. Перетц 1931.

²⁷ Фигнер Николай Николаевич (1857–1918), оперный певец (тенор), солист Императорских театров (1887–1907), первый исполнитель партии Германа в опере П.И. Чайковского «Пиковая дама» в Мариинском театре (1890).

те годы шеренгам «освободительного» движения. И ради этого большой ученый – а кто же мог не видеть его в Зелинском – забывал науку, ее требования!

Этого я переварить не мог, а я ведь видел, что все будущее принадлежит у нас тому направлению, из рядов которого все крупнее выдвигалась фигура Зелинского. Мне совсем было не по душе выступать под таким фальшивым знаменем, а ведь осенью предстояло сдавать магистерские экзамены, с их риском. Товарищи по театру соблазнили меня махнуть рукой на университет и пойти на сцену, где обещали мне видный и быстрый успех. И вот теперь, увидав воочию всю ложь и фальшь внутри «храма науки», я решал, не бросить ли его навсегда? Если на сцене приходилось тоже подчас зажигаться фальшивым пафосом, то ведь там-то лгал автор, а не я, и мне казалось это менее гнусным и отвратительным.

С Крестовского поздним вечером зашел я в Зоологический сад и там попал в компанию маленьких актеров. Хмель ударил на задетые нервы, и я объявил, что беру на лето ангажемент в Новочеркасск к Крылову²⁸. Приятели горячо приветствовали возвращение в отчий дом заблудшей овцы...

Под утро попал я на Офицерскую, где жила А.Т. В-а, и объявил ей о своем решении. Она пришла в ужас и, снимая со стены икону, умоляла одуматься и не идти в театр. Я возражал, что нельзя по ее балету судить о всем театре. Но ее слезы сломили меня, и мы помирились лишь после того, как я обещал ей идти осенью на экзамен.

Ее воля сделала то, что я сдал их, но Зелинского я с того дня уважать не мог. Мне нужно было всякий раз делать над собой насилие, когда по делу приходилось идти к нему.

Диспут Гревса подорвал во мне всякую веру в благополучие нашего ученого мира, где даже такие крупные люди, как Зелинский, имевший полную возможность сохранить независимость, в угоду политике нарушали прямой долг перед наукой.

Очень фальшивым казалось мне его слишком боевое поддерживание классицизма в средней школе. Всякий, кто в ней работал, чувствовал безнадежность этого дела: в лучшем случае, ученики были совершенно к нему равнодушны, а большинство ненавидело этот предмет. Зелинский и в печати, и в комиссии Боголепова²⁹ ломал за него копыя, ссорился с таким разумным человеком, как А.И. Кирпичников³⁰. Для меня оставалось загадкой, как мог он при своем уме не понимать, что ни о каком серьезном насаждении классицизма и речи быть не могло, если *лучшими*

²⁸ Крылов Виктор Александрович (1838–1906), театральный деятель, драматург, прозаик, постоянный сотрудник театрального отдела газеты «Санкт-Петербургские ведомости», начальник репертуарной части петербургских Императорских театров (с 1893).

²⁹ В 1900 г. при МНП была создана Комиссия по вопросу об улучшениях в средней общеобразовательной школе в составе директора ПИФИ К.В. Кедрова, П.В. Никитина, Ф.Е. Корша, В.В. Латышева, И.В. Помяловского, Н.П. Кондакова, А.Н. Шварца и др. Однако министр Н.П. Боголепов не успел законодательно провести реформу средней школы. Его преемник П.С. Ванновский выступил с проектом единой универсальной школы с целью удовлетворения практических запросов жизни и подготовки будущих слушателей университетов, которая и стала претворяться в жизнь. См. Труды 1900.

³⁰ Кирпичников Александр Иванович (1845–1903), филолог-славист, историк искусства; магистр (1873), доктор (1879) всеобщей литературы; член-корреспондент ПАН (1894). Выпускник МУ (1865); совершенствовал образование в Берлинском и Венском университетах (1871–1873). Доцент (1873–1879), экстраординарный профессор (1879–1884) всеобщей литературы ИФФ ХУ; ординарный профессор кафедры истории всеобщей литературы ИФФ НУ (1885–1897), ординарный (1897–1902), заслуженный ординарный (1902–1903) профессор кафедры русской литературы, декан ИФФ (1899–1902), помощник ректора (1903) МУ.

учителями были так хорошо ему знакомые наши же институтцы, жалкие знания которых и полную отчужденность от всякой античности он должен был знать.

С четвертого курса, когда Ф.Ф. устроил мою работу в издательстве С.А. Манштейна, его товарища по Лейпцигскому университету, мне приходилось бывать у него на дому и познакомиться с его семьей. Немка жена, Елизавета Васильевна³¹, тогда еще очень видная женщина, поставила дом на строго семейную ногу и своей простотой, ласковой приветливостью служила лучшим его украшением. Ф.Ф. подчеркивал свою заботу о детях, отводя по утрам девочек в школу, а по вечерам держа их возле своего рабочего стола и наблюдая их подготовку к урокам. Все производило впечатление самой строгой патриархальной семьи. Поэтому я считал гнусной клеветой, когда около 1900 г. в театральном кругу пошли толки про его сожительство с Л.Б. Яворской³², в газете которой «Северный курьер»³³ он часто выступал, принимая участие и в ее литературных вечерах. Я никак не мог допустить, чтобы умный человек мог от такой прекрасной жены как Е.В. пойти

³¹ Зелинская Елизавета Васильевна (урожд. Гибель Шарлотта Доротея Луиза) (1862–1923), жена Ф.Ф. Зелинского (с лета 1885). Из семьи петербургских прибалтийских немцев, выпускница Анненской немецкой женской гимназии, младшая сестра товарища Зелинского по Анненской школе и Лейпцигскому университету, преподавателя классической филологии на ВЖК (1910–1916), лектора греческого языка на ИФФ ПУ Карла Васильевича Гибеля (1860–1919). Ее дети: Феликс Фаддеевич (1886–1970), ботаник, педагог, в 1903–1909 учился на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета и одновременно в 1904–1908 в Мюнхенском университете, доктор ботаники Мюнхенского университета (1909), участвовал в экспедициях в Западную Сибирь по заданию Переселенческого управления (1909–1911), в 1919 г. после экспроприации квартиры бежал из Петрограда на лыжах по льду Финского залива в Финляндию. С 1920 преподаватель биологии и химии в гимназии в Шондорфе близ Мюнхена, куда после оккупации в 1939 Польши Германией переехал жить его отец вместе с дочерью Вероникой. Переводил на немецкий русских поэтов Серебряного века, опубликовал немецкий перевод «Божественной комедии» Данте; Людмила (Амата) Фаддеевна, в замужестве Бенешевич (1886–1967), жена историка византийского права чл.-корр. РАН В.Н. Бенешевича (1874–1938), от которого родила трех детей: Никиту (1910–1918) и двух сыновей-близнецов, Дмитрия (1911–1937) и Георгия (1911–1937), которые, как и их отец, были расстреляны. Сама Амата неоднократно подвергалась арестам, в конце 1930-х работала регистратором в поликлинике, но не зная о гибели своих мужчин, ждала их до конца жизни. Подробнее см. Вольфцун 1997; Корнелия (Нелли) Фаддеевна, в замужестве Канокоги (1889–1970), историк философии, доктор философии Йенского университета (1913), вместе с мужем Казунобу Канокоги (1884–1955) переехала в Японию, где прожила всю жизнь; Вероника-Людвика Фаддеевна (1892–1942), жила с отцом, занималась живописью, страдала болезнью сердца и собственной семьи не имела, умерла в Шондорфе близ Мюнхена. См. СПФ АРАН. Ф. 977 (Зелинский Ф.Ф.), оп. 1; дело фонда 977; Лукьянченко 2002, 12–13; Зелинский 2012, 118.

³² Яворская (урожд. Гюббенет; по мужу Барятинская) Лидия Борисовна (1871–1921), актриса, прима Русского драматического театра (Театра Ф.А. Корша) в Москве, играла в Петербурге в театре Литературно-художественного кружка (1895–1900), создатель и руководитель собственного Нового театра (1901–1917). По характеристике Б.В. Варнеке, «е милый голос... резал... ухо, а изломанная манера игры гораздо больше щекотала нервы... гвардейского экипажа»; в годы работы в Москве, «не останавливаясь ни перед чем, в погонях за рекламой предприимчивая актриса завела и в прессе, и за кулисами такие нравы, что старики из труппы только смущенно разводили руками» (цит. по рукописи воспоминаний Б.В. Варнеке «Московские театры сорок лет тому назад (Ключки воспоминаний). Памяти М.П. Садовского». 1923 г. Архив ГЦТБ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 17. Л. 73).

³³ «Северный курьер» – ежедневная газета, выходившая в Петербурге (1899–1900). Издатель-редактор – кн. В.В. Барятинский. С января по ноябрь 1900 г. в газете было опубликовано 11 научно-популярных статей и рецензий Ф.Ф. Зелинского.

к жалкой ломаче Яворской. Не поверил я и рассказу своего приятеля режиссера Ю.Э. Озаровского³⁴, которого я познакомил с Зелинским, кто вместе с Озаровским ставил в зале Павловой³⁵ «Ифигению» в переводе Анненского³⁶. Летом 1902 г. он держал театр в Боярке под Киевом и будто бы однажды заехал в баню помыться в Киеве, где в государственной комиссии председательствовал Зелинский³⁷. Его крайне смутила встреча с Ф.Ф., вышедшим из номера с особой самого вульгарного бульварного пошиба. Но в Казани и в Одессе мне пришлось воочию убедиться в его многоженстве. Летом в Казани я сидел на веранде ресторана за деловым разговором с издателем «Голоса Самары» и услышал за спиной голос Ф.Ф., которого детский голосишко величал «папой». Я оглянулся и увидел за столиком Ф.Ф. с молодой дамой латышского типа и двумя детьми. Из разговора видно было, что они путешествуют по Волге. То же повторилось перед войной в Одессе, где я его встретил середь белого дня на улице с совсем другой дамой и опять с детьми³⁸. Так стала мне понятна причина, заставлявшая его при двойном жаловании – и

³⁴ Озаровский Юрий (Георгий) Эрастович (1869–1924), режиссер и актер Александринского театра, преподаватель Драматических курсов Театрального училища в Петербурге (1889–1912, с перерывами). Оставил сцену в 1915 г.

³⁵ Театральный зал в доме А.И. Павловой (Троицкая ул., ныне ул. Рубинштейна, д. 13) сдавался разным театральным труппам и кружкам, в том числе Петербургскому кружку художественного чтения. Здесь 16 марта 1900 г. с огромным успехом прошла премьера спектакля «Ифигения–жертва» по трагедии Еврипида в переводе И.Ф. Анненского (Еврипид 1898). Режиссером спектакля был Ю.Э. Озаровский, главные роли исполнили Д.М. Мусина, В.В. Котляревская-Пушкарева (жена будущего акад. Н.А. Котляревского, директора Пушкинского дома), А.И. Аркадьев. Именно Б.В. Варнеке осенью 1899 г. познакомил Ю.Э. Озаровского с И.Ф. Анненским, и они начали работу над спектаклем, где главную роль должна была сыграть В.Ф. Комиссаржевская, отказавшаяся от постановки («в последнюю минуту... едва ли не под влиянием интриг Мережковского и m-me Гиппиус») (Варнеке 1983, 71, 72).

³⁶ Анненский Иннокентий Федорович (1855–1909), филолог-классик, поэт, критик, переводчик. Выпускник словесного разряда ИФФ ПУ (1879), преподаватель классических и русского языка в петербургской гимназии Я.Г. Гуревича (1879–1891), Павловском женском институте (1889–1890), ВЖК (1890), директор Коллегии П. Галагана в Киеве (1891–1893), директор 8-й Петербургской гимназии (1893–1896) и Николаевской гимназии в Царском селе (1896–1905), с 1908 читал историю греческой литературы на Высших женских историко-литературных курсах (ВЖИЛК). С 1898 член ученого комитета МНП, инспектор Петербургского учебного округа (1906–1909).

Б.В. Варнеке имеет в виду переводы И.Ф. Анненского, сначала издававшиеся в ЖМНП, а затем собранные вместе (Еврипид 1906; 1916–1921), на первый том которых он опубликовал две рецензии: Варнеке 1907а; 1907б.

³⁷ Речь идет о десятикратном председательствовании Ф.Ф. Зелинского в экзаменационных комиссиях историко-филологических факультетов университетов: «... я в 1892 г. впервые был назначен председателем экзаменационной комиссии историко-филологического факультета, а с 1894 г. назначался им постоянно. В этом качестве я на целый месяц (май) уезжал в провинцию; один раз я побывал в Одессе, два раза в Киеве (гостил у Сонни, который там профессорствовал), три раза в Харькове, три раза в Казани, раз в Москве. Я хорошо узнал провинциальные университеты, завоевал авторитет среди коллег по всей стране». Цит. по: Зелинский 2012, 123.

³⁸ Для большинства «бестужевок» и «раевок» (слушательниц частных высших женских историко-литературных и юридических курсов Н.П. Раева, открытых в 1905 г.), Ф.Ф. Зелинский стал «подобием Зевса, божества, оплодотворившего Леду, Европу, Данаю и других многочисленных юных гречанок. Иметь от Зелинского сына... казалось величайшим благом» (Анциферов 1992, 160). Поэтому «от времени до времени наиболее усердные из семинаристок Зелинского получают как бы “частную командировку за границу” (...), по-

в университете, и в институте – и казенной квартире³⁹ строчить растянутые и заполненные пустословием статьи для «Вестника Европы»⁴⁰. Вероятно, эти гонорары шли на «васильковые затеи».

просту говоря – скрываются... чтобы... произвести на свет плод усиленных занятий в семинариях профессора-антика» (цит. по: Анциферов 1992, 427).

Внебрачным «средним» сыном Ф.Ф. Зелинского от молоденькой курсистки-бестужевки Веры Викторовны Петуховой (затем Митрофановой, 1874–1942) был филолог-классик, переводчик древних авторов, драматург, литературовед, театральный критик и киновед Адриан Иванович Пиотровский (1898–1937), усыновленный семьей тетки – Е.В. и И.О. Пиотровскими. Он закончил классическое отделение Петроградского университета (1916–1923), в советское время – заведующий театральным отделением Петроградского губполитпросвета, организатор массовых зрелищ и агиттеатров, заведующий Государственных курсов при Государственном институте истории искусств (ГИИИ) и научный сотрудник Отдела истории и теории театра, секции изучения искусства Социологического комитета ГИИИ (с 1924), доцент кафедры древнегреческого мира ФОН ЛГУ; заведующий литературной частью Большого драматического театра, Ленинградского театра рабочей молодежи, Малого оперного театра и др., художественный руководитель Ленинградской фабрики «Совкино» (1928–1937); заслуженный деятель искусств РСФСР (1935). В 1937 арестован по обвинению в шпионаже и расстрелян (Пиотровский 1969; Ярхо 2000).

Мать А.И. Пиотровского В.В. Петухова – выпускница ВЖК, сдала в ПУ экзамены на звание учительницы классических языков в гимназии (1900). Она читала на первом курсе ВЖК введение в латинское языкознание и грамматику, вела практические занятия по латинскому языку (1895–1918), была избрана приват-доцентом, затем экстраординарным профессором III ПУ (1918–1919), после слияния его с I ПУ – старший ассистент кафедры латинского языка (1920–1927), затем старший преподаватель кафедры классической филологии ЛГУ (1937–1942), преподаватель ЛГПИ и других учебных заведений, с 1924 г. вела латинский язык на Высших курсах библиотековедения при Публичной библиотеке. Умерла от голода в блокадном Ленинграде. См. Книга памяти... 2000, 96–97.

Летом 1910 г. участницей экскурсии в Грецию под руководством Ф.Ф. Зелинского стала курсистка ВЖК София Петровна Червинская (1892–1978), которая родила от него двух дочерей – Тамару (р. 1913) и Ариадну (р. 1919). Свою гражданскую семью Ф.Ф. Зелинский летом 1922 г. переправил в пограничный Полоцк, официально оформив усыновление и дав детям свою фамилию. Дважды попав за решетку, С.В. Червинская прекратила переписку с Зелинским (1937) и вынуждена была поменять фамилии девочек на свою. Она закончила пединститут и в послевоенные годы преподавала иностранные языки в Ростовском университете. Старшая дочь работала в сельских школах учителем немецкого и английского языков, жила в Ростове на Дону, как и младшая дочь, ставшая кандидатом биологических наук (Лукьяненко 2002, 15, 17–18).

Другая участница той же поездки в Грецию бестужевка Людмила Федоровна Завалишина родила от Ф.Ф. Зелинского сына Валентина. В 1911 г. она закончила ВЖК по группе всеобщей истории, а в 1920-х годах стала второй женой историка культуры и науки, переводчика А.Э. Серебрякова (1890–1938?), ученика Ф.Ф. Зелинского, М.И. Ростовцева и И.М. Гревса.

Подобное поведение Ф.Ф. Зелинского привело к скандалу 1910–1911 г. (Зелинский 2012, 149–155). Профессура ВЖК протестовала против «похождений, оскорбляющих науку и нравы ученого мира», после чего Зелинский попытался публично оправдаться «от клеветы», прочтя на ВЖК внекурсовую лекцию «Трагедия верности», опубликованную в виде статьи (Зелинский 1912).

³⁹ После смерти ученого секретаря ПИФИ И.Н. Жданова Ф.Ф. Зелинский с семьей проживал в служебной квартире в здании ПИФИ (Университетская наб., д. 11, ныне здания филологического и восточного факультетов СПбГУ). См. Зелинский 2012, 131.

⁴⁰ В «Автобиографии» Ф.Ф. Зелинский объяснял свое сотрудничество в общественно-политической периодике возможностью популяризации своих идей: «Для меня словно открылась новая всероссийская кафедра; мои статьи внимательно читались во всей империи...» (Зелинский 2012, 159).

Нечистоплотность доходила у возвышенного Зигфрида до крайнего предела. Во время съезда классиков он чувствовал у себя обедом Лециуса⁴¹, Сонни⁴² и меня, причем я заметил, что Сонни чем-то становился особенно смущен, когда в комнату входила с блюдами пышногрудая блондинка-горничная. Прямо из-за стола мы с ним отправились на вокзал, и в вагоне он возмущенно рассказал, в чем дело. Старый друг семьи Зелинских, он перед обедом прошел в комнату дочерей поболтать, а потом, что-то вспомнив, вернулся к нему в кабинет, где застал на тахте лежащей эту самую блондинку, под платьем у которой рука хозяина гуляла по местам самого заповедного свойства. Он потихоньку убрался опять к дочерям, не желая нарушать досуги хозяина.

Если бы все это раскрывалось в личной жизни Корша или кого другого, не стал бы тратить на запись этого чернил! Корш открыто сознавался в своих слабостях, но Зелинский гордо нес знамя нравственного совершенства, на словах парил выше облаков, а на деле падал очень низко, и вот эта ходульная величавость производила самое отталкивающее впечатление, не позволяя верить ни единому его слову. Эта фальшь в жизни и во всем поведении заставляла меня держаться от него подальше.

И все-таки я считаю Ф.Ф. очень полезным и высоко заслуженным преподавателем. Из классиков в Петербурге он один способен был глубоко захватить интересом к древности молодежь и поднять ее преподавание над тем ремесленным уровнем, на котором держали его остальные филологи. Если в нашем обществе пробудился широкий интерес к античности, вопреки тому жалкому ее освещению, какой в школе давал убудочный классицизм, способный во всяком живом человеке вызывать только одно отвращение, то это заслуга в первую голову Зелинского, доказавшего, что и классик может быть человеком большого ума и высокой культуры. За это примирение нашего общества с античностью мы все в неоплатном долгу перед ним и, думаю, что будущий историк нашего просвещения хорошо поступит, если отведет ему почетное место в первых рядах работников на поприще приобщения России к европейской культуре.

И как часто у нас бывало, его обидели там, где он имел полное право на самое почетное место. Если можно спорить, кто заслуживал предпочтения при выборе в академики, он или его близкий друг М.И. Ростовцев, человек во всяком случае с очень широкой известностью в ученом мире и очень видный общественный дея-

⁴¹ Лециус (Lezius) Иосиф (Эрнест) Андреевич (1860–1931), филолог-классик, педагог; магистр (1884), доктор (1887) греческой словесности. По происхождению немец, обе диссертации напечатал в Дерпте. Выпускник Русской филологической семинарии в Лейпциге (1880), профессор русской истории ИФФ, заслуженный ординарный профессор по кафедре классической филологии, преподаватель латинского языка на ЮФ УСВ (1890), декан ИФФ ВЖК, преподаватель русской истории на вечерних ВЖК А.В. Жакулиной в Киеве, профессор (1913–1915) и директор (1913–1914) НИФИ, в годы Первой мировой войны как немец выслан в Самару или Саратов. Учитель гимназии в Берлине (1918) и Галле (1924), преподаватель русской литературы и языка университета в Галле (с 1920). См. Сонни 1913.

⁴² Сонни Адольф Израилевич (1861–1922), филолог-классик, переводчик; магистр (1887), доктор (1896) греческой словесности. Выпускник Русской филологической семинарии при Лейпцигском университете (1882), учитель 5-й Петербургской гимназии (1882); приват-доцент (1887–1897), профессор, заслуженный ординарный профессор (1897–1922) по кафедре классической филологии ИФФ УСВ. См. Пучков 2011.

тель, то избрание усердного крохобора А.В. Никитского было явным оскорблением Зелинскому, который украсил бы любую среду своим сотрудничеством⁴³.

Если бы Ф.Ф. занял в Академии кресло П.В. Никитина, то трудно было бы подобрать преемство более противоположное.

Нам на третьем и четвертом курсах П.В. читал историю греческой литературы, греческую диалектологию и «Семь против Фив» Эсхила, и ровно ничего не дал. Усевшись на кафедре, он опускал голову книзу и в одну тягучую ноту с трудом выжимал слова, прерывая их глухим першением; как скучный осенний дождь в крышу, ударяли они в уши самому внимательному слушателю, и через 10 минут следить за изложением было невозможно. Кто начинал дремать, кто брал постороннюю книгу.

Диалектология была сама по себе нам не по зубам. Мы и аттическое-то наречие едва знали. Где уж тут уследить его отличие от беотийских или лесбосских форм? Толкование Эсхила было опять рассчитано на слушателей гораздо выше нашего уровня и по недоступности оставалось бесполезным. Поправляя наши ответы, П.В. облакал свои замечания в такую тонкую иронию, какая при изысканной вежливости по существу колола очень больно, но кроме очередного студента, которого П.В. распинал целый час, остальные не следили за этим диалогом.

Все лекции П.В. писал сплошь, и горы четвертушек отдавал для литографирования нам. Они поражали богатством содержания, стройностью изложения. Как жаль, что он не давал кому-нибудь другому читать их, и еще печальнее, что его курс литературы остался ненапечатанным.

П.В. появлялся всегда с иголки одетым, и его холодная, замороженная фигура не допускала, чтобы кто-нибудь из студентов рискнул задать ему вопросы, спросить совета и т.п.

Но при сдаче магистерского экзамена мне пришлось иметь с ним дело как с деканом, и тут-то неожиданно открылось, какой это простой, благожелательный человек. Как часто каялся я ему, что при всем желании не в силах добиться смысла книги Вилламовица или нашего Зелинского. И в двух словах, просто он раскрывал *der langen Rede kurzer Sinn*⁴⁴. Каждый приход к нему заставлял уважать его больше и больше и чувствовать, какое богатство ума, знаний и сердца скрывалось под этой угрюмой, холодной оболочкой.

Тогда же я начал читать его работы. И они с каждой новой страницей чаровали сильнее. Особенно я почувствовал их достоинства, когда А. Вильгельм издал сценические надписи⁴⁵. Критика на Западе по заслугам расхвалила эту работу, но П.В. за двадцать слишком лет [до этого] дал больше в своей диссертации⁴⁶. И в Казань, и в Одессу он слал мне все, что печатал. Маленькие некрологи, например, Гомперца⁴⁷, показывали, как удивительно широко понимал он задачи филологии и как

⁴³ Виновником своего избрания в академики поляк Ф.Ф. Зелинский как «гражданин второго сорта» считал своего сначала друга, а потом врага – «академика-русификатора» В.В. Латышева. См. Зелинский 2012, 163–164.

⁴⁴ Длинной речи краткий смысл (*нем.*).

⁴⁵ Вильгельм (Wilhelm) Адольф (1864–1950), австрийский антиковед, эпиграфист, секретарь Австрийского археологического института в Афинах (с 1898), профессор классической археологии в Венском университете (1905–1933), автор классического труда о драматических представлениях в Афинах, написанного на основе эпиграфического материала. Здесь имеется в виду Wilhelm 1906; см. Варнеке 1908.

⁴⁶ Речь идет о докторской диссертации: Никитин 1882.

⁴⁷ Гомперц (Gomprez) Теодор (1832–1912), австрийский филолог-классик, папиролог, историк греческой философии; профессор Венского университета (1873–1900); член Венской АН; иностранный член-корреспондент ПАН (1883). См. Никитин 1912.

тонко разбирался в ее течениях, но показать даже намек на это на лекциях он был не в силах. Как-то И.В. Цветаев незадолго перед своей смертью назвал Никитина в разговоре со мной «кладезем запечатанной мудрости». Посмертная его статья в «Византийском временнике» о патериках⁴⁸ блестяще это подтвердила, и как жаль, что громадные знания и талант исследователя П.В. так непроизводительно расточал на безымянное доделывание того, что оставил после себя Ернштедт⁴⁹. На это годились бы силы и менее крупные. Очень жаль, что смерть помешала ему напечатать и докончить разбор нелепых бредней о Платоне «шлиссельбургца» Морозова⁵⁰. Здесь его убийственное остроумие нашло бы благодарнейшую для себя почву.

На четвертом курсе мы получили последнего классика, А.И. Малеина. Мы на первом курсе слушали Холодняка, когда Малеин был командирован в Рим, откуда печатал свои высмеянные в газетах изыскания по вопросу «был ли женат Марциал?» Холодняк на лекциях превозносил эту восходящую звезду, особенно упирая, что он дважды в годы студенчества перечитал всю институтскую библиотеку. Охотно этому верю, но проку это не дало никакого. Нам он читал интереснейших поэтов, Катулла и Марциала, сумев превратить их в скучнейшую почву для разбора палеографических мелочей вроде тех, какими он позже наполнил свою книгу⁵¹ равного ему самому по бездарности Альдгельма⁵². Неизвестно, чего ради выбирал он самые скользкие их вещи и старался изо всех сил доказать, что ничего скоромного тут нет, притягивая за волосы нелепейшие толкования их в духе

⁴⁸ Никитин 1916.

⁴⁹ При содействии П.В. Никитина посмертно опубликован ряд начатых, но незавершенных работ акад. В.К. Ернштедта (ум. 1902) и других ученых. Являясь по существу соавтором подготовленных им посмертных изданий, Никитин ни разу не вынес своего имени на титул даже в качестве редактора. Подробнее см. Куклина 1999, 89–94; Басаргина 2004, 128–133.

⁵⁰ Морозов Николай Александрович (1854–1946), химик, астроном, историк культуры, писатель, революционер, общественный деятель; почетный член АН СССР (1932). Участник «хождения в народ», член «Земли и воли» (1878) и редактор одноименного журнала, с 1879 член исполнительного комитета «Народной воли». В 1880 эмигрировал, арестован по возвращении в Россию (1881), на «процессе 20-ти» приговорен к бессрочной каторге, отбывал ее в Алексеевском равелине Петропавловской, а затем в Шлиссельбургской крепости (освобожден в 1905), в заключении писал научные труды. Читал лекции по химии в Вольной высшей школе П.Ф. Лесгафта (1906–1908) и спецкурс о научном значении авиации в Школе авиации. В 1911 приговорен к годичному заключению за книгу стихов «Звездные песни», срок отбывал в Двинской крепости (1912–1913), освобожден по общей амнистии. Преподавал в Психоневрологическом институте. С 1918 директор Естественнонаучного института им. Лесгафта.

Незадолго до смерти П.В. Никитин написал заметки к тексту Платона (Plat. Conv. 189E), по поводу статьи Н.А. Морозова (Морозов 1915). Фрагмент заметки П.В. Никитина, сохранившийся в СПФ АРАН (Ф. 36. Оп. 1. Д. 201. Л. 1–6), много лет спустя издан, см. Басаргина 2004, 434–436.

⁵¹ Малеин 1900.

⁵² Альдгельм (640–709), английский церковный деятель, аббат Мальмсберийского монастыря, затем епископ Шернборнский. Автор латинского сборника «Загадки», которому посвящена докторская диссертация А.И. Малеина (Малеин 1905). В книге дана коляция текста «Henigmata» Альдгельма и изучен латинский язык источника, который отличается обилием греческих слов и частым применением аллитерации, что является национальной особенностью языка англо-саксов.

елейного благонравия. «Идушка Головлев трактует в Смольном институте стихи Баркова», – назвал эти душеспасительные упражнения мой товарищ по курсу И.А. Кубасов⁵³. Неизвестно, чего тут было больше: тупоумия или фарисейства, прикрывавшего какую-то тараканью похотливость.

Такое же противное, склизкое впечатление оставалось от личного общения с ним. Он пытался покрыть меня пеленой своих молчаливых советов и покровительств, но я старался держаться от него елико возможно дальше и не потому вовсе, чтобы верил И.Ф. Анненскому, уверявшему, что при всякой встрече с Малеиным он почему-то думает, что тот уже подал на кого-нибудь донос или держит его еще в готовом виде в кармане. Думаю, что даже на это он был бы неспособен по мелкотравчатости своей приплюснутой душонки, но от него несло за версту прокислым запахом квартального ярыжки, и этого было для меня достаточно, чтобы избегать его. Во всяком случае, из всех классиков одного Малеина при самой снисходительной оценке не могу помянуть добрым словом.

На других кафедрах были у нас равные ему жалкие служители науки, например С.К. Булич⁵⁴, сменивший на втором курсе нашего инспектора Н.П. Некрасова⁵⁵. Этот тургеневоподобный старец, не мудрствуя лукаво, вбивал нам в голову грамматические премудрости в изложении протоиерея Павского⁵⁶... Неудивительно,

⁵³ Кубасов Иван Андреевич (1875–1937), литературовед, библиограф. Выпускник ПИФИ (1899), внештатный преподаватель русского языка в Петербургском театральном училище К. Мая (1902–1911). Поступил на службу в ПАН (1901–1921): старший библиотекарь БАН, заведующий книжным складом. Хранитель (1919), ученый хранитель книжных собраний (1912–1921) Пушкинского Дома. Командирован по делам Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран РАН в Астрахань, где по личным обстоятельствам вынужден был остаться, работал секретарем в областном Волго-Каспийском управлении рыбными и тюленьими промыслами. В мае 1922 вернулся в Петроград. Ученый хранитель (1922–1928), заведующий 1-м Отделением БАН (1928), старший хранитель (1928–1930), ученый хранитель (1930), ученый специалист (1935) Пушкинского Дома.

⁵⁴ Булич Сергей Константинович (1859–1921), языковед-компаративист, специалист в области лингвистической конвергенции и интерференции, представитель казанской лингвистической школы, историк русского языкознания; магистр (1894), доктор (1905) сравнительного языкознания. Выпускник ИФФ КазУ (1882), оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре сравнительного языковедения; приват-доцент КазУ. С осени 1885 жил в Петербурге, учился по классу теории композиции у Ю.И. Иогансена в Петербургской консерватории (1890–1891); приват-доцент (1885–1901), экстраординарный профессор (1901–1910), заслуженный экстраординарный профессор (1910–1921) по кафедре сравнительного языкознания и санскрита ИФФ ПУ, создатель экспериментально-фонетической лаборатории при университете. Экстраординарный профессор (с 1895), ординарный профессор (с 1903) кафедры русского и церковнославянского языка ПИФИ, профессор по общему и сравнительному языкознанию, русской филологии, теории музыки (1891–1918) и директор (1910–1918) ВЖК в Петербурге.

⁵⁵ Некрасов Николай Петрович (1828–1914), филолог-славист; член-корреспондент ПАН (1890). Выпускник ИФФ МУ, учитель русского языка и словесности в 1-м и Брестском кадетском корпусах в Москве (1853–1860), домашний учитель в семье кн. Г.Г. Гагарина (1861–1866), учитель русской словесности в 1-й петербургской гимназии, преподаватель русского языка на ВЖК (с 1878); профессор русской словесности ПИФИ (1867–1895) и Римско-католической духовной академии (с 1877). Член Совета министра народного просвещения.

⁵⁶ Павский Герасим Петрович (1787–1863), протоиерей, филолог, гебраист, переводчик; магистр богословия (1814); академик ПАН (1858); член, директор (1814) и редактор трудов Библейского общества. Выпускник ПДА (1814), преподаватель кафедры еврейского языка

что вступительная лекция Булича о новейших течениях в языкознании показалась нам откровением свыше, и мы пришли в восторг. Но увы, когда за введением дело дошло до сути дела, оказалось, что наш профессор, рабски прикованный к листочкам, сам не может определить ни одной формы, путаясь, как в лесу, в славянских аористах. Кто имел наивность обращаться к нему за помощью в переводе древнерусских текстов, те сразу же увидали всю его беспомощность и по-старому стали на этот счет беспокоить Некрасова, продолжавшего исполнять должность инспектора. При скудости своих знаний Булич наполнял лекции грубыми выпадами по адресу А.И. Соболевского⁵⁷, заставляя вспоминать басню про москью и слона. Ничего не вышло из его доброго намерения преподать нам начатки санскрита: при переводе первого же упражнения в учебнике Кнауера и Миллера⁵⁸ он так запутался, что при всем своем бесстыдстве предпочел больше не срамиться и опять вернулся к голословному поношению Соболевского.

При таком пестром составе преподавателей не одним только исполинским ростом их всех превосходил Ив.Н. Жданов⁵⁹. Он читал на первом курсе народную словесность, на втором – допетровскую литературу, а на четвертом я уже добровольно слушал годичный курс по Гоголю.

Ни в институте, ни за границей я не находил более совершенного преподавателя. Жданов являлся с порыжелым портфелем, вынимал оттуда книжку и во-

ПДА (1814–1835), священник Казанского собора в Петербурге (с 1815), затем протоиерей Андреевского собора на Васильевском острове, член Санкт-Петербургского комитета духовной цензуры (1818–1827), профессор кафедры богословия ПУ (с 1819), сотрудник «Христианского чтения» (1821–1839), законоучитель наследника цесаревича Александра Николаевича (с 1826). Автор грамматики и «Филологических наблюдений над составом русского языка» (1841–1842), хрестоматии еврейского языка, переводчик Евангелия от Матфея.

⁵⁷ Соболевский Алексей Иванович (1856/1857–1929), филолог-русист, специалист в области сравнительно-исторической грамматики славянских языков, диалектолог, палеограф, этнограф; магистр (1882), доктор (1884) русского языка и словесности; член-корреспондент (1893), ординарный академик (1900) по Отделению русского языка и словесности (ОРЯС) ПАН. Старший брат С.И. Соболевского. Выпускник ИФФ МУ (1878), оставлен при кафедре русского языка и словесности для подготовки к профессорскому званию, преподаватель ВЖК В.И. Герье. Приват-доцент (1882–1884), экстраординарный (1884–1886), ординарный (1886–1888) профессор УСВ, ординарный (1888–1907), заслуженный ординарный (1907–1908) профессор кафедры русского языка и словесности ИФФ ПУ, профессор славяно-русской палеографии в ПАИ (1892–1902). Член Союза русского народа (до 1910 член Гласного совета, отказался от звания), член Государственного совета. В 1910-х жил в Москве, после Октября 1917 профессор I МГУ, МАИ, преподаватель на Архивных курсах при Московском областном управлении архивного дела. Несколько раз подвергался арестам (1918, 1929). Председатель Орфографической комиссии при АН (1904), Русской библейской комиссии РАН (1920–1929) и Комиссии ОРЯС по подготовке Словаря древнерусского языка (с 1925).

⁵⁸ Миллер, Кнауэр 1891.

⁵⁹ Жданов Иван Николаевич (1846–1901), историк древнерусской литературы, фольклорист; магистр (1883), доктор (1895) русской словесности; член-корреспондент (1893), ординарный академик по ОРЯС (1899) ПАН. Сын священника, старший брат С.Н. Жданова. Учился в ПДА, выпускник ИФФ ПУ (1872), преподаватель русского языка в коммерческом училище (с 1874), приват-доцент ИФФ УСВ (1879–1882), профессор русской литературы ПИФИ (с 1882), приват-доцент (1895–1896), ординарный (1896–1900), заслуженный ординарный (с 1900) профессор кафедры русского языка и словесности ИФФ ПУ.

рох исписанных карандашом тетрадных листочков и, постоянно их подбирая и перекладывая, читал, сопровождая выписки своим всесторонним толкованием. Сперва приводился источник, затем все мало-мальски любопытные его толкования в новейшей литературе, и каждое всесторонне взвешивалось, беспристрастно отмечались и хорошие, и слабые его стороны. Жданов всегда говорил, что ему лично представлялось наиболее убедительным, но делал это всегда очень мягко, подчеркивая полную возможность и законность и других точек зрения.

Простая, доведенная до предельной ясности, такая форма изложения, по-моему, как раз и нужна для высшей школы. Слушатели не только знакомились всесторонне с состоянием каждого вопроса; они присутствовали при самой исследовательской работе ученого, который как бы вслух думал на их глазах, что прекрасно вводило в самый круг работы. При этом ни малейшего следа фразы, пустословия. Подчас Жданов путался в своих листиках и начинал читать не то, что было нужно: слушатели охотно прощали ему это копанье в материалах, подобранных годами непрерывного труда. Мысль его шла без скачков, и потому теперь, через 40 лет, я могу на память повторить многие куски его курсов. Слушатели очень его ценили, и на его лекциях почти никто не занимался посторонним чтением, что было неизбежно при обязательном посещении лекций. Многие у него работали на дому по субботам; из них выделились мои товарищи И.И. Замотин⁶⁰ и И.А. Кубасов, бросивший из-за тяжелой семейной обстановки, погубившей его, очень удачно развернувшуюся работу под руководством и самого И.Н., и затем Л.Н. Майкова⁶¹, с которым Жданов был очень близок. Я жил еще в институте, и хотя надо мной висел магистерский экзамен, и меня захватила та живая работа над Пушкиным, какую перед юбилеем 1899 года развил в нем И.Н. Мы читали все, что тогда печаталось по Пушкину, и иной раз до поздней ночи шли споры и толки по отдельным вопросам. Очень тепло наши студенты справили и его докторский диспут в мае 1895 г.⁶² Он был мало похож на остальные тем, что после речи диспутанта оба оппонента – и Веселовский, и Соболевский – говорили минут по 20: прекрасная работа даже им не дала почвы для споров. Многие пришли на диспут, когда уже он кончался среди общих ликований. Был чудный майский день! Также тепло и светло было у всех на душе в этот день настоящего праздника науки.

⁶⁰ Замотин Иван Иванович (1873–1942), лингвист, специалист по русскому и церковнославянскому языку; магистр (1903), доктор (1907) русской словесности; академик АН БССР (1928). Выпускник ПИФИ (1897), профессор (с 1908) русского и церковнославянского языка и истории русской литературы Варшавского университета, с 1922 профессор Белорусского университета в Минске.

⁶¹ Майков Леонид Николаевич (1839–1900), писатель, историк русской литературы, фольклорист, этнограф; магистр русской словесности (1863); член-корреспондент (1883), действительный член по ОРЯС (1889), вице-президент (1893–1900) ПАН. Выпускник ИФФ ПУ (1860), преподаватель гимназии Человеколюбивого общества, чиновник Петербургской таможни (1861–1863), причислен к Департаменту внешней торговли (1863), помощник секретаря, член, делопроизводитель Статистического совета Центрального статистического комитета (1864–1885). Помощник редактора (1863–1882), редактор (1882–1890) ЖМНП. Член (1876), правитель дел (1885–1891), председатель (с 1889) Археографической комиссии. Помощник директора Публичной библиотеки (1882–1893).

⁶² Диспут по докторской диссертации И.Н. Жданова (Жданов 1895) состоялся 23 апреля 1895 г. на ИФФ ПУ (степень утверждена Советом факультета 8 мая 1895 г.).

Диссертация стоила 5 руб.⁶³ Деньги большие для студенческого кармана, и все-таки из моих товарищей человек пять купили ее себе. Очень нравились мне и его печатные работы, и с годами я не только не переменял своего взгляда на них, но наоборот, много раз перечитывая, всегда находил в них новые достоинства. Когда скучно становится, я беру том его сочинений⁶⁴, полюбуюсь его портретом, а затем деловое изложение захватит мысль и всегда даст большое удовольствие, словно посетил старого друга. Другие к ним обращаются не так бескорыстно. Так, прославленная теперь «Социология Пушкина» Д. Благова⁶⁵ если содержит что дельное, помимо модного подхалимства, повторяет в распространенном виде то, что Жданов установил насчет «Медного всадника», конечно, без единой ссылки на эту статью: хороший тон заставляет жуликов, «героев нашего времени», упорно замалчивать ученых дооктябрьской поры, а вот переписывать их страницами – это очень и очень даже можно.

Труды Жданова смело выдерживают сравнение с самыми ходкими книгами по тем же вопросам: «Гоголь» Котляревского⁶⁶ – жалкая труха по сравне-

⁶³ Печатные экземпляры магистерских и докторских диссертаций (сто экземпляров) доставлялись заранее до дня публичного диспута на историко-филологический факультет университета и раздавались каждому члену факультета, «так что и интересующиеся приват-доценты и профессора других факультетов могли получить экземпляр диссертации». Диссертация допускалась к защите в результате голосования членов факультета. До дня диспута книга, по которой проводился диспут, должна была обязательно поступить в продажу. После допуска к защите объявлялся день диспута, о котором заблаговременно печаталось объявление в газетах. Диспут обычно назначался на воскресенье как неприступный день, в нем участвовали все члены факультета или их большинство, а любой желающий мог прийти на диспут и участвовать в нем (включая студентов), что превращало защиту в публичный акт. Выводы диссертации излагались в форме печатных «тезисов» (аналог современного автореферата диссертации), которые на защите раздавались всем желающим. Присуждение ученых степеней входило исключительно в компетенцию факультета – решение Совета факультета утверждалось Советом университета, и «никаких дальнейших утверждений уже не требовалось». Ученые степени западноевропейских университетов в России не признавались. «Университеты... наши могли гордиться тем, что только им одним было предоставлено право присуждения ученых степеней. Ни Академия наук, ни специальные высшие учебные заведения и учреждения этим правом не пользовались», за исключением Медицинской академии. Цит. по: Жебелёв 2002, 157, 158, 160.

⁶⁴ Жданов 1904–1907.

⁶⁵ Описка Варнеке: речь идет о книге литературоведа-пушкиниста Дмитрия Дмитриевича Благого (1893–1984), впоследствии члена-корреспондента АН СССР (1953), академика АПН СССР (1968). См. Благой 1931.

⁶⁶ См. Котляревский 1903. Котляревский Нестор Александрович (1863–1925), литературовед, критик, публицист; магистр истории западноевропейских литератур (1899); почетный академик Разряда изящной словесности ОРЯС (1906), ординарный академик по ОРЯС (1909) ПАН. Выпускник ИФФ МУ (1885), где был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории иностранной словесности и командирован на два года в Париж. Читал историю литературы в Александровском лицее (1893–1909), ВЖК (1892–1899, 1909–1916), на Высших историко-литературных курсах Н.П. Раева (1906–1917), Александровской военно-юридической академии. Заведующий репертуаром Русской драматической труппы (1908–1917). С 1901 публиковался в различных журналах со статьями по истории русской общественной мысли, с 1905 популярен как либеральный публицист, разделявший взгляды кадетов; редактор отдела беллетристики «Вестника Европы» (1908–

нию с тем, что читал на лекциях И.Н.⁶⁷ Второй том «Истории русской литературы» П.Н. Сакулина⁶⁸ неизмеримо пустее и поверхностнее изложения Жданова⁶⁹.

Не будь я из Москвы поставлен на рельсы классицизма, я наверно стал бы студентом работать у И.Н. Он мне сам был приятнее всех остальных, и меня очень увлек его курс о былинах, тем более, что еще в Москве в эту сторону мои интересы направили доклады Вс.Ф. Миллера⁷⁰. Позже занятия историей русского театра хоть отчасти привели меня к нему же, и «про себя» я считаю себя учеником именно Жданова, во всяком случае, в своем преподавании я, как мог и умел, старался воспроизводить его манеру, считая ее наиболее целесообразной и деловой.

III. ЗА ГРАНИЦЕЙ

И денежная, и сердечная связь с театрами заставила меня отказаться от той командировки на два года за границу, какую мне выхлопотал по сдаче магистерского экзамена институт: «грехи тяжкие» не пустили. И я вовсе об этом не жалею. Уже получив звание магистра, я стал на вакации ездить в немецкие университеты и

1909). Первый директор Пушкинского Дома (1910–1925). С 1920 преподаватель первой категории, с 1922 почетный член ГИИИ. В 1922 вслед за высланными деятелями культуры последовал в Берлин, но вскоре вернулся на родину.

⁶⁷ Жданов 1904.

⁶⁸ См. Сакулин 1912. Сакулин Павел Никитич (1868–1930), литературовед; доктор русского языка и словесности (1913, минуя степень магистра); член-корреспондент РАН (1923), академик АН СССР (1929). Выпускник ИФФ МУ (1891), преподаватель русского языка и словесности в средних учебных заведениях Москвы (с 1891), на ВЖК, в Университете им. А.Л. Шанявского, на педагогических курсах при Обществе воспитательниц и учительниц (1911–1914); приват-доцент МУ (1902–1911). С осени 1914 жил в Петрограде, ординарный профессор Императорского Женского педагогического института в Петрограде (1914–1917), читал лекции в других вузах Петрограда (1914–1917), профессор ИФФ–ФОН МУ (с 1917). Директор Пушкинского Дома АН СССР (1929–1930).

⁶⁹ Жданов б.г.

⁷⁰ Миллер (Miller) Всеволод Федорович (1848–1913), языковед, востоковед-санскриптолог, фольклорист, археолог, глава московской этнографической школы; магистр (1877), доктор (1883) сравнительного языкознания, доктор русского языка и словесности *honoris causa* (1892); член-корреспондент (1898), ординарный академик (1911) по ОРЯС ПАН. Выпускник ИФФ МУ (1870), оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре сравнительной грамматики, с 1871 совершал поездки по России для сбора материалов по фольклору и изучения языков ее народов, командирован за границу с научными целями для занятий сравнительным языкознанием и санскритом (1874–1875). Доцент (1877–1884), экстраординарный (1884–1886), ординарный (1886–1892) профессор кафедры сравнительного языкознания, ординарный (1892–1903), заслуженный ординарный (1903–1911) профессор кафедры истории русского языка и словесности ИФФ МУ, вел курс народной словесности на ВЖК в Москве (1900–1911), профессор и директор ЛИВЯ (1897–1911). Проводил раскопки в Крыму (1886), Чечне, Осетии, Кабарде. Хранитель Дашковского этнографического музея в Москве (1884–1897). Один из основателей и редактор журналов «Критическое обозрение» (1877, 1880, вместе с М.М. Ковалевским) и «Этнографическое обозрение» (1889–1916). С 1911 жил в Петербурге, преподавал в Женском педагогическом институте.

превращаться снова в студента⁷¹. Так я узнал преподавание Фр. Лео⁷², Эд. Шварца⁷³, К. Дильтея⁷⁴ в Гёттингене, Студнички⁷⁵, Бете⁷⁶ и Шрейбера⁷⁷ в Лейпциге.

Больше всего мне нужно было заняться искусством, которое не входило тогда в институтскую программу, добавленную умным В.В. Латышевым в годы его директорства. Зато под боком был Эрмитаж, и я за все четыре года студенчества, когда товарищи по воскресеньям шли к обедне, шел туда, накупил его каталоги, в Пуб-

⁷¹ «Начиная с 1904 г. до самой войны 1914 г. я ежегодно стал ездить в Австрию или Германию», – вспоминал Б.В. Варнеке (Архив ГЦТМ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 21. Л. 89). Его формулярный список подтверждает научные командировки от Министерств народного просвещения в Европу: в 1904 г. в Гёттингене слушал лекции Т. Лео, Эд. Шварца, Я. Вакернагеля, К. Дильтея, занимался в семинарии по Плавту у Т. Лео; с 1 июня по 1 сентября 1909 г. Варнеке изучал античное искусство в музеях Берлина и Дрездена для подготовки исследования по истории античного театра, слушал лекции Т. Шрейбера, Э. Бете, Ф. Студнички в Лейпциге и посещал археологический семинар при университете; с 7 по 16 апреля 1912 г. принял участие в XVI Международном конгрессе ориенталистов в Афинах; в 1913 и 1914 гг. на время летних каникул командирован за границу (в 1914 г. посетил Кёнигсбергский университет), в 1914 г. просил командировку в Малую Азию и Константинополь «для изучения остатков древнегреческих театров Милета, Приены и Эфеса» (Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 45. Оп. 4. Д. 1152. Л. 39; Оп. 9. Д. 26. Ч. 2. Л. 7; Тункина 2011, 442, 443, 444–445). Видимо, поездки в другие годы, в частности в Австрию, были совершены на личные средства в вакационное время.

⁷² Лео (Leo) Фридрих (1851–1914), немецкий антиковед, историк римской литературы, исследователь творчества Плавта и Сенеки, римской драматургии, профессор университетов в Киле (1881–1883), Росток (1883–1888), Страсбурге (1888–1889), Гёттингене (1889–1914), действительный член (1889) и секретарь (1897) Гёттингенского научного общества. См. его некролог: Варнеке 1914b.

⁷³ Шварц (Schwartz) Эдуард (1858–1940), немецкий филолог-классик, антиковед, византист, канонист, издатель деяний вселенских соборов; профессор университетов в Гиссене (1893), Страсбурге (1897, 1913–1919), Гёттингене (1902), Фрейбурге (1909), профессор (1919–1940) и ректор Мюнхенского университета, член Страсбургского ученого общества–Страсбургской АН, действительный член (1919) и президент Баварской АН в Мюнхене, иностранный член ПАН (1912), член Берлинской, Гейдельбергской, Венской, Копенгагенской, Будапештской и Стокгольмской АН.

⁷⁴ Дильтей (Dilthey) Карл (1839–1907), немецкий филолог-классик, археолог, профессор классической филологии и археологии в Цюрихе (1869–1878), профессор кафедры классической филологии (с 1878), затем классической археологии (с 1889) университета в Гёттингене, директор археолого-нумизматического коллекция университета (с 1892); действительный член Гёттингенской АН. Младший брат философа В. Дильтея.

⁷⁵ Студничка, или Штудницка (Studniczka) Франц (1860–1929), австрийский историк античного искусства и археолог; член Саксонской АН и Берлинской АН (1924). По происхождению чех, уроженец Галиции. Профессор классической археологии университетов во Фрейбурге (с 1889) и Лейпциге (с 1896), где создал собрание гипсовых копий античной пластики.

⁷⁶ Бете (Bethe) Эрих Юлиус Адольф (1863–1940), немецкий филолог-классик, специалист по архаической Греции, участник полемики по гомеровскому вопросу. Экстраординарный профессор Ростокского университета (с 1893), ординарный профессор Базельского (1897–1903) и Гиссенского (1903–1906) университетов. Профессор классической филологии (1906–1931) и ректор (1927–1928) Лейпцигского университета.

⁷⁷ Шрейбер (Schreiber) Георг Теодор (1848–1912), немецкий археолог-классик и историк искусства, профессор Лейпцигского университета (с 1885), директор Лейпцигского городского художественного музея (с 1886); член Саксонской АН и Германского археологического института.

личной библиотеке перечитал статьи Л. Стефани⁷⁸ в «Отчетах Археологической комиссии», этой неиссякаемой энциклопедии мифологии и «реалий». В доме больного Л.А. Мюллера я часто заставал Г.Е. Кизерицкого⁷⁹, и уже учительствуя, забегал туда после классов, и Кизерицкий часами разбирал со мной и вазы, и терракоты, и основные книги. Ему очень понравилось, что я был далеко не очарован знаменитыми Meisterwerke А. Фуртвенглера⁸⁰ и вообще не был поклонником его открытий. Незадолго перед смертью Кизерицкий, словно предвидя ее, стал говорить, что хорошо бы меня привлечь к нему на службу. Мне самому это было по душе.

В том же Эрмитаже начал читать лекции по скульптуре бросивший Киев А.В. Прахов⁸¹. В университете на него косились, называли его, быть может по

⁷⁸ Стефани (Stephani) Лудольф Эдуардович (1816–1887), антиковед, эпиграфист, историк античного искусства; доктор археологии (1842); ординарный академик по греческим и римским древностям ПАН (1850); почетный член Археологического института в Риме, Королевской АН в Мюнхене, почетный вольный общник Имп. Академии художеств. Выпускник Лейпцигского университета, ученик Г. Германа, путешествовал по Греции, Турции, Италии для изучения античных памятников. Ординарный профессор кафедры классической филологии и археологии Дерптского университета (ДУ, 1845–1850), хранитель Отделения классических древностей Первого отделения Имп. Эрмитажа (1851–1887), директор Нумизматического и Египетского музеев АН (с 1852). Автор части текста к своду археологических памятников Боспора в Эрмитаже (Древности 1854). Как сверхштатный член Имп. Археологической комиссии (с 1859) по поручению графа С.Г. Строганова издавал научные приложения к ее «Отчетам» с описанием сокровищ Эрмитажа и находок из раскопок на юге России (Compte Rendu 1860–1883, 1–21). См. Тункина 2002, 236–239, 241.

⁷⁹ Кизерицкий (Kieseritzki) Гангольф Егорович (Рейнгольд Густав Гангольф) (1847–1903), историк искусства, специалист по античной пластике, музеевед; магистр древне-классической филологии (1876), член-корреспондент (1878), действительный член (1889) Германского археологического института. Выпускник кафедры классической филологии ДУ (1873), оставлен по кафедре классической филологии для подготовки к профессорскому званию, одновременно преподаватель древних языков в феллинской гимназии (1876), командирован за границу (1876–1880, 1882, 1891, 1896), слушал лекции в Мюнхене, путешествовал по Италии и Греции. Помощник хранителя (1880–1886), старший хранитель и Начальник I Отделения Эрмитажа (1886–1903), автор научного каталога «Музей древней скульптуры» (СПб., 1896; 4-е изд., испр. и доп., 1901), один из авторов известного труда «Греческие надгробия на юге России» (Kieseritzky, Watzinger 1909). О нем см. Тихонов 2012.

⁸⁰ См. Furtwängler 1893. Фуртвенглер (Furtwängler) Иоганн Адольф Михаэль (1853–1907), немецкий археолог, историк античного искусства; действительный член Германского археологического института. Учился в университетах Фрайбурга, Лейпцига и Мюнхена. По поручению Германского археологического института проводил раскопки Микен, Олимпии и Эгины (храм Афайи). Хранитель Антиквариума в Берлине (с 1882), профессор классической археологии Мюнхенского университета (с 1894), директор Антиквариума в Мюнхене (с 1896). Создатель хронологической системы греческого до- и раннеисторического искусства, издатель и атрибутор значительного числа произведений античной пластики, преимущественно скульптуры. См. Schuchhardt 1956.

⁸¹ Прахов Адриан (Ардальон) Викторович (1846–1916), художник, историк искусства, художественный критик, общественный деятель; магистр (1871), доктор (1880) теории и истории искусств; действительный член Института археологической корреспонденции в Риме, действительный член (1875), секретарь Классического отделения (1880–1886) РАО. Выпускник ИФФ ПУ (1864), совершенствовал знания за границей (1869–1873), путешествовал по странам Востока и городам России. Приват-доцент (1873–1884), экстраординарный (1884–1887), ординарный (1887–1898), заслуженный ординарный (1898–1916) профессор кафедры теории и истории искусств, с 1868 хранитель Музея древностей ПУ, профессор истории изящных искусств Имп. Академии художеств (1875–1887), профессор УСВ (1887–1897).

заслугам, Вертопраховым. Но лектор он был блестящий и искусство чувствовал очень тонко. Я был усердным его слушателем, а затем и продолжателем. В 1902–1904 годах новый директор Эрмитажа И.А. Всеволожский⁸² позволил студентам Театральных курсов, своего детища, проходить искусство по подлинникам в Эрмитаже. Лекции читал им я, и к нашей маленькой кучке в зимние утра всегда прибавлялось несколько добровольцев. Начальство Эрмитажа шло в ногу с сердечным и гостеприимным своим директором и обставляло эти занятия всякими удобствами, вплоть до того, что в одной из боковых комнат после лекции меня всегда ждал камер-лакей с чашкой чая и сладкими пирожками от Всеволожского. Одну лекцию слушал он сам и затем очень занимательно рассказал нам про свою дружбу в Мюнхене с Генрихом Брунном⁸³.

За границей я попал прежде всего к Фр. Лео, о котором после его смерти напечатал статейку в ЖМНП⁸⁴. Очень высоко ценил и его «Pl(autinische) Forschungen»⁸⁵ и особенно «Gr(iechisch)-Röm(ische) Biographie»⁸⁶. О нем восторженно мне рассказывал приехавший к нам из Гёттингена Б. Богаевский⁸⁷, когда-то слушавший

⁸² Всеволожский Иван Александрович (1835–1909), государственный деятель, театральный художник; почетный член Академии художеств (1904). Выпускник ПУ (1856), канцелярский чиновник в Азиатском департаменте МИД, чиновник особых поручений при государственном канцлере. Директор петербургских и московских Императорских театров (1881–1899), директор Императорского Эрмитажа (1899–1909).

⁸³ Брунн (Brunn) Генрих (1822–1894), немецкий археолог, историк античного искусства; доктор философии (1843). Выпускник Боннского университета, с 1843 жил в Риме, где работал в Римском отделении Германского археологического института, приват-доцент Боннского университета (1854–1856), второй секретарь Института археологической корреспонденции в Риме (1856–1865), профессор Мюнхенского университета (1865–1894).

⁸⁴ Варнеке 1914b.

⁸⁵ Leo 1912.

⁸⁶ Leo 1901.

⁸⁷ Богаевский Борис Леонидович (1882–1942), историк античности, археолог, искусствовед, специалист по эгейской и древнегреческой культуре; магистр греческой филологии (1916), доктор исторических наук (1934, без защиты диссертации); член-корреспондент Германского археологического института. Выпускник ИФФ ПУ (1907), оставлен для подготовки к профессорскому званию (с 1907). С 1902 неоднократно путешествовал по Европе, в 1910-х принял участие в раскопках А. Эванса на о. Крит. Во время студенческих волнений 1905 примыкал к группе «академистов-радикалов». Преподаватель (с 1911) на Высших курсах Лесгафта, в Психоневрологическом институте, в женской гимназии М.Н. Стоюниной, приват-доцент (с 1916) ИФФ ПУ, откомандирован в Пермь (осень 1916), исполняющий должность экстраординарного профессора кафедры классической филологии (сентябрь 1917–1919), декан ИФФ (май 1918–1919), создатель Музея древностей, председатель реэвакуационной комиссии (1919) Пермского университета. Приват-доцент кафедры классической филологии (с 1919), профессор кафедры истории античного мира (1920), ректор (1920–1922) Томского университета (ТомУ). В 1922 после закрытия ФОН ТомУ переехал в Петроград, профессор Археологического отделения ФОН-ямфака ПУ (с 1922), проректор учебной части, член деканата ямфака, заведующий кабинетами археологии и древнего мира, председатель цикла древнего мира и цикла истории религии, заведующий кафедрой доистории историко-лингвистического факультета ЛГУ (1929–1931). В 1926 как ортодоксальный сторонник «нового учения о языке» Н.Я. Марра организовал у себя на квартире «кружок» по изучению Гомера в свете яфетической теории, в который входили антиковеды Н.П. Баранов, М.С. Альтман, Б.В. Казанский, Н.Н. Залесский, К.М. Колобова и востоковеды В.В. Струве, И.И. Мещанинов, В.К. Шилейко. Заведующий кафедрой доисторической археологии и кабинетом истории материальной культуры дофеодального периода ЛГИЛИ-ЛИФЛИ (с 1931), действительный член и преподаватель истории античного театра ГИИИ,

у меня Катутла, а теперь дошедший до самого бесстыжего перекраивания науки на «марксистскую» мерку. Но преподавание Лео меня очень разочаровало: «Эподы» Горация он толковал куда поверхностнее того Л. Мюллера⁸⁸, о котором в частных беседах он отзывался очень пренебрежительно и сводил весь курс на полемику с глупой только что тогда вышедшей книгой Т. Плюсса⁸⁹, а семинарий по *Cistellaria* состоял в том, что по поводу каждого стиха устанавливалось убожество критических приемов Гётца⁹⁰, Шелля⁹¹, с одной стороны, Линдсея⁹², с другой. Из разговоров со слушателями я скоро увидел, что далеко не всегда они сами чувствовали те изъяны, которые нужно было находить в угоду лектору. И тут опять я оценил покойника Мюллера: тот свободно позволял нам защищать неудобные ему конъектуры и Орелли⁹³, и даже Г. Зенгера⁹⁴.

действительный член и ученый сотрудник Разряда греко-римского искусства, председатель Эгейской комиссии, товарищ председателя Комиссии по социологии искусства и искусствоведению РАИМК-ГАИМК-ИИМК АН СССР. С 1935 профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры. В 1938 выдвигался в члены-корреспонденты АН СССР, но избран не был. Умер от голода в блокадном Ленинграде. См. Беляев 2006.

⁸⁸ Гораций 1895.

⁸⁹ См. Plüss 1904. Плюс (Plüss) Ханс Теодор (1845–1919), немецкий филолог-классик, преподавал в гимназиях и учебных заведениях Кёльна, Познани, Наумбурга (1873–1881) и до 1907 в Гуманитарной гимназии в Базеле. Автор ряда книг, в том числе «Вергилий и эпическое искусство» (1884).

⁹⁰ Гётц (Goetz) Георг (1849–1932), немецкий филолог-классик. Выпускник Лейпцигского университета, домашний учитель в Петербурге, адъюнкт Русской филологической семинарии при Лейпцигском университете (с 1875), профессор (1879–1923) и ректор (1903, 1910) Йенского университета, член Саксонской АН (1888), член-корреспондент Баварской АН (1903). Автор критических изданий комедий Плавта, произведений Варрона, статей по грамматике для энциклопедии Паули–Виссова, составитель *Corpus glossariorum Latinorum* (1888–1923, vol. 1–7).

⁹¹ Шоль (Schöll) Фриц (1850–1919), немецкий филолог-классик, адъюнкт Русской филологической семинарии при Лейпцигском университете (с 1875), профессор (1877–1918), декан и проректор (1890–1891) Гейдельбергского университета. Подготовил критические издания произведений Плавта, Варрона и Цицерона. После смерти Ф.В. Ричля и Г. Лёве вместе с Г. Гётцем завершил критическое издание текстов Плавта (1894), которое неоднократно переиздавалось впоследствии (Plautus 1906–1914).

⁹² См. Lindsay 1907. Линдсей Уоллас Мартин (Lindsay Wallace-Martin; 1858–1937), шотландский филолог-классик, латинист, палеограф, исследователь метрики сатурниева стиха, издатель произведений Плавта, трудов по грамматике и палеографии латинского языка, профессор Университета Св. Андрея в Шотландии.

⁹³ Орелли (Orelli) Иоанн Каспар фон (1787–1849), швейцарский филолог-классик, учился богословию в Carolinum в Цюрихе, недолгое время состоял при И.Г. Песталоцци, проповедник протестантской общины в Бергамо (1807–1814), учитель новых языков и истории в кантональной школе в Куре (с 1814), профессор риторики и герменевтики в Carolinum (с 1819) и в новом университете (с 1833) в Цюрихе; член-корреспондент Баварской АН (1834). Издал полное собрание сочинений Цицерона (1826–1838, 7 томов), ему также принадлежит критическое издание произведений Горация (1837–1838).

⁹⁴ См. Зенгер 1886 (магистерская диссертация). Зенгер Григорий Эдуардович (1853–1919), филолог-классик, историк античности; магистр (1886), доктор (1894) римской словесности *honoris causa* МУ; член-корреспондент ПАН (1907). Выпускник ИФФ ПУ (1874), оставлен для подготовки к профессорскому званию (1875–1877), преподаватель классических языков в 5-й петербургской гимназии (1874–1875), совершенствовал образование в Германии (1875–1877), в Берлине слушал лекции Т. Моммзена, работал в библиотеках

Раз зашел я на лекцию Эд. Шварца, по немецкому обычаю попросив у него позволения в коридоре, какое он очень любезно и дал. Узнав, что я из Петербурга и слушал Никитина, он начал лекцию по Феокриту со смутившего меня заявления, что сегодня «wir Sind höchstbeglückt durch die freundliche Anwesenheit des russischen Fachgenossen welcher zu den nächsten Schülern des weltberühmten Theokritusforschers Paul von Nikitin gehört»⁹⁵ и тут же к большому моему удовольствию подробно повторил в очень лестном убранстве выводы П.В. о диалекте Феокрита, видимо прекрасно их усвоив. Дня через три я нашел у себя в пансионе его записку на довольно сносном русском языке с просьбой к 6 часам явиться в Городской сад. Там он меня ждал с несколькими номерами нашего «Византийского временника». Оказывается, он самоучкой выучился по-русски, но многого не понимал, и вот весь вечер продержал он меня за переводом статей Д.Ф. Беляева⁹⁶ и канониста А.С. Павлова⁹⁷; помню, что в последней шла речь о «Даре Константина»⁹⁸. Мои переводы

Италии (1883). Исполняющий должность экстраординарного профессора кафедры всеобщей истории (1877–1885), библиотекарь (1877–1880), ученый секретарь (1881–1883) НИФИ, читал курсы римской истории, римских древностей, средневековой и новой истории, выдержал экзамены на степень магистра римской словесности в УСВ (1884); исполняющий должность доцента кафедры всеобщей истории (1885), затем кафедры римской словесности (1886), экстраординарный (1887–1894), ординарный (1894–1900) профессор кафедры римской словесности, декан ИФФ (1896–1900), ректор (1897–1899) ВУ, попечитель Варшавского учебного округа (1900–1901), товарищ министра (1901–1903), управляющий МНП (1902), министр народного просвещения (1902–1904), сенатор (1904–1905). В 1905 уволен от службы с мундиром, на пенсии занимался научными исследованиями. После Февраля 1917 лишился пенсии, поступил внештатным служащим в Отделение филологии Публичной библиотеки (1917–1919), в 1918–1919 сильно нуждался. Отец известной пушкинистки Т.Г. Цявловской.

⁹⁵ «Мы в высшей степени рады дружескому визиту русского коллеги, который принадлежит к ближайшим ученикам всемирно известного исследователя Феокрита Павла (sic! – И.Т.) Никитина» (нем.).

⁹⁶ Беляев Дмитрий Федорович (1846–1901), филолог-классик, антиковед, византист; магистр (1875), доктор (1878) греческой словесности; член-корреспондент ПАН (1893). Выпускник ИФФ ПУ (1871), оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре классической филологии (1871–1874); преподаватель кафедры греческой словесности ИФФ ПУ (1874–1875), преподаватель греческой словесности и новых языков в Мариинской женской, Петербургской 6-й и частных гимназиях М.П. Спешневой (1874–1875). Командирован за границу с научными целями: совершенствовал знания в Лейпцигском университете, занимался в музеях и библиотеках Франции, Италии (1875–1877), Турции, Греции, Египта, Палестины (1894). Доцент (1877–1878), экстраординарный (1878), ординарный (1878–1901) профессор по кафедре греческой словесности, преподавал на кафедре римской словесности (1880–1883), декан ИФФ (1883–1897) КазУ, член попечительного совета Казанского учебного округа. Из университета уволен по болезни, скончался в Петербурге. См. Шестаков 1901.

⁹⁷ Павлов Алексей Степанович (1832–1898), историк церковного права; магистр богословия (1860), доктор канонического права *honoris causa* НУ (1869); член-корреспондент ПАН (1873). Выпускник КазДА (1858); учитель КазДС (1858), преподаватель истории русской церкви (1858–1859), канонического права и литургики (1859–1864) КазДА, доцент (1864–1867), экстраординарный профессор (1867–1870) кафедры канонического права КазУ; совершенствовал образование в Гейдельбергском университете (1865–1866), где слушал лекции К.Е. Цахариз фон Лингенталю. Ординарный профессор кафедры канонического права НУ (1870–1875), ординарный (1875–1889), заслуженный ординарный (1889–1898) профессор кафедры церковного права МУ.

⁹⁸ Павлов 1896.

он вносил в свою тетрадку, а меня поил чудным Рюдрихсгеймером. Уже в Казань прислал он денежный перевод с просьбой выслать ему труды Ф.А. Курганова⁹⁹, выславшего их ему, конечно, даром.

Нечто подобное я встретил перед самой войной в Кёнигсберге, где ко времени сараевского убийства я благодетельствовал в очень для меня приятном обществе От. Иммиша¹⁰⁰ и Отто Россбаха¹⁰¹. Этот богатый холостяк, владелец железнодорожных акций и земли в Сицилии, закармливал и запаивал меня изысканнейшими сицилийскими винами, но перед обедом я часа два должен был ему переводить труды С.А. Жебелёва о Ниобидах¹⁰² и главы о художниках из его докторской диссертации¹⁰³. От их содержания он был в восторге и очень жалел, что не знал их при составлении своих статей у Pauly–Wissowa. Он собирался осенью поехать морем в Петербург и спрашивал: «Ist aber der Sergius Schebelew auch ebenso tüchtiger Weintrinker? Kann ich ihm eine fromme Auslese des Sicilianischen mitbringen?»¹⁰⁴ Я высказывал надежду, что С.А. и на этом поприще не посрамит земли русской. Но Эдмонд Пуанкаре¹⁰⁵ лишил С.А. этого удовольствия. Зато как только к нам пришли в 1919 году в Одессу немцы, я получил через Feldpost¹⁰⁶ открытку Россбаха с вопросами: 1) жив ли я, 2) что напечатал по части искусств С.А.

Таким же поклонником Жебелёва в России был И.В. Цветаев, особенно ценивший его за то, что «он стал подлинным Плутархом русской филологии» как бы предвидя, что это прекрасное свойство своего дарования проявит он и на очень теплом очерке жизни самого Ивана Владимировича¹⁰⁷, из всех петербуржцев еще ценившего лишь И.В. Помяловского.

Но лекция самого Шварца была более чем странна: из 45 минут потратив немало на пересказ диссертации П.В. Никитина, он ухитрился за остальное время справиться с объемистой второй идиллией, стремительно перескакивая с пятого

⁹⁹ Курганов Федор Афанасьевич (1844–1920), историк церкви; магистр богословия (1870), доктор церковной истории (1881). Выпускник КазДА (1870). Доцент (1870–1881), ординарный (с 1881), заслуженный ординарный (на 1913 – сверх штата) профессор кафедры общей церковной истории КазДА; ординарный (1885–1910), заслуженный ординарный (1910–1919) профессор кафедры церковной истории, профессор по кафедре истории церкви (1919–1920) КазУ.

¹⁰⁰ Иммиш (Immisch) Отто (1862–1936), немецкий филолог-классик, специалист по античной литературе, профессор Лейпцигского (1895–1907, Гиссенского (с 1907), Кёнигсбергского (1914) университетов, профессор (1914–1930) и ректор (1924–1925) Фрейбургского университета; член Гейдельбергской АН.

¹⁰¹ Россбах (Roszbach) Отто (1858–1931), немецкий антиковед, профессор классической филологии университетов в Киле (с 1890), Кёнигсберге (1895–1926), директор Археологической коллекции и Минцкабинета университета, преподавал в Академии художеств; член-корреспондент Германского археологического института (1900).

¹⁰² Жебелёв 1901.

¹⁰³ Жебелёв 1903.

¹⁰⁴ «Сергей Жебелев такой же изрядный любитель вин? Могу я ему передать простого сицилийского (вина)?» (нем.).

¹⁰⁵ Варнеке перепутал имя президента Франции в 1913–1920 гг. Раймона Пуанкаре (1860–1934), который дважды побывал в России с официальным визитом в 1912 и 1914 гг. с целью создания военного союза с Россией. Он считался сторонником войны с Германией и имел прозвище «Пуанкаре-война».

¹⁰⁶ Полевая почта (нем.).

¹⁰⁷ Жебелёв 1914, 352–362. См. также: Варнеке 1913.

на десятое, причем речь его неслась таким стремительным потоком, что следить было выше сил. Так он, будто бы, имел обычай *durchlaufen*¹⁰⁸ и все свои курсы. Вот отчего я вместо него стал ходить к Як. Вакернагелю. Он сам был очень мил и обходителен, но предмет его лекций занимал меня мало: студенты считали его лучшим знатоком греческого языка в Гёттингене, после К. Дильтея, который ненавидел чтение лекций и студентов, обременявших его хотя бы самым пустым вопросом. Моя квартирная хозяйка, старая дева, дочь какого-то профессора, наговорила ужасов мне про его ненависть к ученым женщинам, и я представлял себе его каким-то чудищем облым и озорным, что совершенно не отвечало действительности: это оказался при моем к нему заходе сладенький папильон¹⁰⁹, обложенный итальянскими и латинскими порнографами 15–16 веков, под томами которых ломились столы его комнат, где он жил с попугаями и канарейками и полногрудой тиролькой лет тридцати, которая каждые 10 минут осведомлялась, не желает ли Herr Geheimrath etwas einnehmen?¹¹⁰ Причем его выбор колебался между фруктами и конфетами.

Убедившись, что я никаких поползновений на его досуг не имею, он проявил крайнее гостеприимство, велел подать вина, пригласил на обед на ближайший же день к себе и тут же с усевшейся в довольно обворожительной позе на ручку его кресла тиролькой стал подбирать меню, показав, что родня П.П. Петуха водится и на Западе. Обед, несколько раз повторенный, оказался выше похвал. Неизменно, кроме нас двух, на них бывал ближайший друг хозяина «Эдмон» Велльхаузен¹¹¹. Тиролька, блиставшая млеком своих локтей из-под пышных белоснежных рукавов, после бокалов родного хозяину рейнского напитка становилась предметом их обоюдных атак, плескала в них из своего стакана и била их по рукам, со смехом прося быть *nicht so stürmisch*¹¹², и я должен был поддакивать вопросам хозяина, что *diese Hebe ist echtvergilische Copa*¹¹³.

Из пущей скромности он уверял меня, что посещение его лекций будет напрасной тратой времени, но я пошел и не раскаялся. Маленькой кучке студентов он очень обстоятельно толковал «Картины» Младшего Филострата, попутно делая обстоятельные экскурсии в сторону Нонна, Мосха и Биона, которых знал наизусть. С громадным пиететом приводил он взгляды своего учителя Отто Яна¹¹⁴ и Эд. Герхардта¹¹⁵.

¹⁰⁸ Пробегать, проходить быстро (*нем.*).

¹⁰⁹ От *papillon* (*франц.*) – бабочка, мотылек.

¹¹⁰ Господин тайный советник что-либо перекусить? (*нем.*).

¹¹¹ Возможно, Велльхаузен (Wellhausen) Юлиус (1844–1918), немецкий протестантский теолог, текстолог, востоковед, исследователь Ветхого Завета, основатель современной библейской критики, профессор восточных языков в университетах Марбурга (с 1875), Грейфсвальда (с 1882), Гёттингена (1892–1903); действительный член Гёттингенской АН (1892), член-корреспондент Берлинской АН (1900).

¹¹² Не такими бурными (*нем.*).

¹¹³ Эта Геба – настоящая Вергилиева трактирщица (*нем.*).

¹¹⁴ Ян (Jahn) Отто (1813–1869), немецкий антиковед, филолог-классик, археолог, исследователь музыкальной культуры, приват-доцент университета в Киле (1839–1842), экстраординарный профессор университета в Грейфсвальде (1842–1847), ординарный профессор филологии и археологии в университетах Лейпцига (1847–1850) и Бонна (1855–1869).

¹¹⁵ Герхард (Gerhard) Эдуард (1795–1867), немецкий антиковед, археолог, выпускник Берлинского университета (1814), ученик А. Бёка, неоднократно путешествовал по Италии, основатель Института археологической корреспонденции в Риме (1829, позднее –

Из новых он признавал лишь Бенндорфа¹¹⁶, уверяя, что остальные vom Bösen¹¹⁷. Очень горячо дома у себя расхваливал он своего цюрихского друга Готфрида Келлера¹¹⁸ и den grossen Käbi¹¹⁹, Якоба Бурхардта¹²⁰.

В его лице передо мной оживал кусок западной жизни 17–18 веков, и я думал, как около него хорошо бы себя чувствовал наш московский гусар-филолог А.В. Олсуфьев¹²¹. Дильтей ненавидел электричество, газеты, железную дорогу, а особенно революции 1789 и 1848 годов. И в то же время Бисмарк и военщину и уверял, что когда к нему приезжал из Берлина брат, знаменитый философ, он заставлял его в гостинице брать сугубую ванну, чтобы смыть alles Berlinerisches¹²².

Позже это же недовольство новым направлением классической археологии я встретил у Р. Ферстера¹²³ в Бреславле и особенно у О. Россбаха в Кёнигсберге. Они, как и Дильтей, были и филологи, и постоянно сверх археологии читали и курсы по толкованию авторов. Они очень жаловались на тех представителей этой кафедры из более молодых, которые совсем оторвались от филологии. Началось это зло будто бы с знаменитого Кекуле¹²⁴ в Берлине, и они очень радовались избра-

Римское отделение Германского археологического института), хранитель Королевского музея в Берлине (с 1833), профессор Берлинского университета (с 1844); действительный член королевской Прусской академии наук (1835), основатель Археологического общества в Берлине (1841).

¹¹⁶ Бенндорф (Benndorf) Фридрих Август Отто (1838–1907), немецкий антиковед, эпиграфист, археолог, историк античного искусства; действительный член Венской АН (1883) и Германского археологического института. Профессор Мюнхенского (с 1871), Карлова в Праге (с 1872) и Венского (с 1877) университетов. В Вене был преемником А. Конце на кафедре классической археологии и, наряду с Е. Борманом, возглавил Археолого-эпиграфический семинар при университете, созданный в 1876 г. по инициативе О. Гиршфельда и А. Конце, являлся редактором издаваемых им «Abhandlungen» и «Mittheilungen». Созданный в 1898 г. по инициативе О. Бенндорфа Австрийский археологический институт в Вене имел отделение в Афинах.

¹¹⁷ От лукавого (*нем.*).

¹¹⁸ Келлер (Keller) Готфрид (1819–1890), швейцарский поэт и романист, классик швейцарской литературы, художник, учился в Мюнхенской Академии художеств, Гейдельберге и Берлине, статс-секретарь правительства кантона Цюрих (1861–1876).

¹¹⁹ Большого знатока (*нем.*).

¹²⁰ Буркхардт, Буркгардт (Burckhard) Якоб (1818–1897), швейцарский историк искусства, философ культуры, один из основоположников культурно-исторической школы в историографии всеобщей истории. Выпускник Берлинского университета, профессор истории и истории искусства Базельского университета (1858–1893), затем Цюрихского политехникума.

¹²¹ Олсуфьев Алексей Васильевич, граф (1831–1915), генерал от кавалерии, писатель, переводчик с латинского языка, автор рецензии на перевод Ювенала, сделанный А. Фетом, и биографии Марциала (Олсуфьев 1886; 1891).

¹²² Все берлинское (*нем.*).

¹²³ Фёрстер (Foerster) Ричард (1843–1922), немецкий филолог-классик, археолог, историк античного искусства, ординарный профессор классической филологии университетов в Ростке (1875–1881), Киле (1881–1890), Бреслау (Вроцлаве) (1890–1922); председатель Силезского общества отечественной культуры. Издатель произведений Либания.

¹²⁴ Кекулé фон Страдонитц (Kekulé von Stradonitz) Рейнхард (1839–1911), немецкий археолог-классик, историк античной пластики, представитель культурно-историческо-

нию на его место Ноака¹²⁵, такого же прекрасного филолога, как старики А. Михаэлис¹²⁶ в Страсбурге, К. Роберт¹²⁷ в Галле и особенно фон Дун¹²⁸ в Гейдельберге, тогда как иные, вроде Б. Зауера¹²⁹, были будто бы неспособны разобрать простейшую главу из Павсания.

Нечего говорить, что я всецело был на их стороне отчасти под влиянием того, что наблюдал и в русской ученой литературе, сравнивая хотя бы труды А.Н. Шварца,

го направления в немецком антиковедении. Из чешских дворян. Учился в Берлинском и Гёттингенском университетах, профессор Берлинского университета, работал в Римском отделении Германского археологического института (1863–1866), профессор классической археологии в университетах Бонна (с 1870) и Берлина (с 1890), декан (1897) и ректор (1901–1902) Берлинского университета, директор собрания античной скульптуры и слепков в Королевском музее (1889) и Антиквариума (с 1896) в Берлине; действительный член Прусской АН (1898), председатель Берлинского археологического общества (с 1905). Проводил раскопки в Малой Азии. Предложил новый метод анализа памятников, получивший название «критика стиля».

¹²⁵ Ноак (Noack) Фердинанд (1865–1931), немецкий филолог-классик, археолог, специалист по античной архитектуре и топографии; профессор по кафедре классической археологии университетов в Йене (с 1899), Киле (с 1904), Тюбингене (1908–1916), университета Фридриха-Вильгельма в Берлине (1916–1931), член дирекции Германского археологического института, председатель Археологического общества в Берлине, автор книги «Строительное искусство в древности» (*Die Baukunst im Altertum*. Berlin, 1910).

¹²⁶ Михаэлис (Michaelis) Адольф (1835–1910), немецкий филолог и археолог-классик, историк античного искусства, историк классической археологии. Племянник О. Яна. Учился в университетах Лейпцига, Берлина, Киля, защитил диссертацию по Горацию, вместе с А. Конце на стипендию Германского археологического института путешествовал по Греции, адъюнкт-профессор университета в Грейфсвальде (с 1862), профессор классической филологии и археологии и директор Археологического музея в Тюбингене (1865–1872), профессор археологии Страсбургского университета (с 1872), член-корреспондент Академии надписей и изящной словесности в Париже.

¹²⁷ Роберт (Robert) Карл (1850–1922), немецкий филолог-классик и археолог, историк религии. Учился в университетах Бонна и Берлина, сокурсник Г. Дильса, защитил две диссертации – по Аполлодору (1873) и Эратосфену (1876), направлен в Грецию и Италию как стипендиат Германского археологического института (1873–1875), приват-доцент (с 1876), экстраординарный (с 1877), ординарный (с 1880) профессор классической филологии Берлинского университета, профессор классической филологии и археологии (1890–1920), ректор (1906–1907) университета в Галле.

¹²⁸ Дун (Duhn) Фридрих фон (1851–1930), немецкий антиковед, археолог-классик. Выпускник университета в Бонне, на стипендию Германского археологического института совершил путешествие по Греции, Италии, Сицилии (1875–1877), приват-доцент Гёттингенского университета (с 1879), ординарный профессор археологии (1880–1920), проректор (1911–1912) Гейдельбергского университета; иностранный член Академии деи Линчей в Риме.

¹²⁹ Зауер (Sauer) Бруно (1861–1919), немецкий археолог-классик. Учился в университетах Мюнхена, Берлина, Лейпцига (1882–1884). Стипендиат Германского археологического института (1889). Приват-доцент (с 1892) университета в Гиссене и директор (с 1898) Института истории искусств, Кабинета антиков и Минцкабинета при нем, на базе которых создал Археологический институт университета; профессор классической археологии университета в Киле (с 1909).

Э.Р. фон Штерна¹³⁰ или ранние труды Б.В. Фармаковского¹³¹ с тем, что последний же печатал в последние 10 лет своей работы, когда, совершенно оторвавшись от филологической почвы, вступил в область чисто произвольных построений полужестетского, полутехнического характера. У его учеников, не говоря уже об учениках, это разрослось до болезненных пределов. Такое же недовольство оставалось у меня и от изучения громадных книг хотя бы Пфуля о греческой живописи¹³² или Булле о театральных зданиях¹³³. Рисунки очень хороши, но зато текст?

¹³⁰ Штерн (Stern) Эрнест Романович (Эрнст Вальффрид) фон (1859–1924), филолог-классик, историк античности, археолог, эпиграфист, создатель школы археологов в Одессе; магистр (1883), доктор (1884) классической филологии; действительный член РАО (1900); действительный (1891) и почетный член, казначей (1895–1899), председатель Совета (1899–1910), директор и главный хранитель музея (1896–1910) Одесского общества истории и древностей (ООИД), сверхштатный член Имп. Археологической комиссии (1909). Выпускник ИФФ ДУ (1877, 1880–1882), стипендиат Русского филологического семинария Лейпцигского университета (1877–1880); сотрудник МНП (1883–1884) и МИД (1884) в Петербурге, командирован за границу для совершенствования образования (1883–1884); приват-доцент (1884–1886), экстраординарный (1886–1888), ординарный (1888–1909), заслуженный (1909–1911) профессор кафедры классической филологии, секретарь (с 1893) и декан (1905–1909) ИФФ НУ, ректор ВЖК в Одессе. Вплоть до начала Первой мировой войны руководил раскопками древнейшего ионийского поселения на острове Березань (1904–1909, 1913), исследованиями античной Тире (ныне Белгород-Днестровский, 1900, 1903, 1912) и памятников эпохи энеолита (1892–1903), выявил взаимосвязь между носителями трипольской культуры и энеолитическими племенами Греции. После трагической смерти сына (1910) вышел в отставку (1911), уехал в Германию, ординарный профессор кафедры древней истории (1911–1924), декан философского факультета, ректор (1921–1922, 1923–1924) университета в Галле. См. ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1757. 78 л. Дело о службе Э.Р. фон Штерна.

¹³¹ Фармаковский Борис Владимирович (1870–1928), историк античности, историк искусства, археолог; магистр теории и истории искусств (1902); член-корреспондент (1905) и действительный член (1911) Германского археологического института, член-корреспондент ПАН (1914); действительный член (1897), секретарь (1906–1919), управляющий классическим отделением (1919–1924) РАО. Выпускник ИФФ НУ (1892), ученый секретарь РАИК (1898–1901), член Имп. Археологической комиссии (1901–1918), по заданию которой проводил систематические раскопки в Ольвии (1896, 1901–1915, 1924–1926); преподаватель, профессор ПИФИ (с 1904) и ВЖК (1912–1918), приват-доцент (1905–1919), профессор (1919–1928) кафедры истории и теории искусств ПУ-ЛГУ. Один из создателей, действительный член (1918) и ученый секретарь (1921–1928) РАИМК-ГАИМК, хранитель античного отделения ГЭ (1924–1928), профессор РИИИ и ЛГПИ им. А.И. Герцена. В 1927 выдвигался в действительные члены АН СССР по специальности история искусств, но избран не был. См. Фармаковская 1988.

¹³² Пфуль (Pfuhl) Эрнст (1876–1940), немецкий археолог-классик. Выпускник Берлинского университета (1900), путешествовал по Греции и Италии как стипендиат Германского археологического института (1901–1903), исследовал архаический некрополь Фер, преподавал в университетах Гёттингена и Базеля (с 1909). Варнеке имеет в виду его трехтомный труд «Malerei und Zeichnung der Griechen» (München, 1923).

¹³³ Ср. Bulle 1928. Булле (Bulle) Генрих (1867–1945), немецкий археолог-классик, искусствовед, специалист по истории античного театра. Учился в университетах Фрейбурга и Мюнхена, ученик Г. Брунна, стипендиат Германского археологического института (1893–1894), проводил раскопки в Орхомене Минийском (Беотия); с 1894 ассистент в Археологическом семинаре Мюнхенского университета; приват-доцент (1898–1902), ординарный профессор (1908–1935) университета в Вюрцбурге, адъюнкт-профессор университета в Эрлангене (1902–1908).

Неудивительно, что при таких вкусах он¹³⁴ отошел от современности и уверял, что он умер в день замены Arch(äologische) Zeitung ненавистным ему Arch(äologisches) Jahrbuch¹³⁵. Зато позже, когда я в 1909 г. попал в Лейпциге к Фр. Студничке и сказал, что слушал К. Дильтея, то услышал от него латинскую реплику *perdidisti tempus et oleum*¹³⁶, с чем я в душе не согласился, а скоро должен был то же самое применить наоборот к нему самому. Он был насквозь пропитан современностью. Ссылаясь на последнюю новинку европейских и американских журналов; аудитория была обставлена всеми тонкостями электричества, и снимки мелькали, как в самом заправском кино. Но дальше кино дело не шло. У лектора не было и намека на определенную систему, на продуманное миросозерцание, и все сводилось к мелочному перечислению реплик и самому беззастенчивому Attributionismus¹³⁷ без малейшей степени убедительности. Слушателей и слушательниц была тьма, но держали они себя, как в кино. Сам он был очень похож по обращению на прусского фельдмаршала. И ранее знакомые мне его работы менее всего возбуждали желание поучиться у него.

Но я слушал его, так сказать, попутно, явившись в Лейпциг ради Э. Бете, работы которого по театру мне очень нравились. Так же приятно было и личное с ним знакомство, а вот лекции по толкованию Проперция опять были очень поверхностны. Видно было, что это совсем не его область. Так мне и не дал бы ничего Лейпциг, не будь там Т. Шрейбера. Его лекции – лучшее, что слушал я за границей. Privatissime¹³⁸ для пяти-шести слушателей [он] читал археологический комментарий к Гомеру, стоящий гораздо выше книг Гельбига¹³⁹ или Рейхеля¹⁴⁰ и построенный на громадном материале, причем главный интерес состоял в тех наблюдениях методического характера, какие он давал по поводу отдельных памятников, причем очень многое он сообщил из своего опыта в раскопках в Александрии. Раз в неделю вечером в большей аудитории он читал о стиле. Здесь его узнать нельзя было: там читал деловой ученый, здесь – блестящий оратор с громадным опытом по управлению богатейшим городским музеем Лейпцига, директором которого он состоял долгие годы. Рассчитан он был на «друзей искусства» и, видимо, очень интересовал слушателей, среди которых мне показывали директора издательской фирмы Seeman, журналистов и т.п. Реже всего он обращался к античному искус-

¹³⁴ Имеется в виду К. Дильтея.

¹³⁵ Речь идет о периодических изданиях Германского археологического института, выпускавшихся соответственно с 1843 и 1885 гг.

¹³⁶ Ты потерял время и масло (*латин.*).

¹³⁷ Речь идет об увлечении приписывать текст тому или иному известному автору (*нем.*). В ту эпоху атрибуция источника выдвинулась как отдельное направление в классической филологии, к которому Б.В. Варнеке отнесся крайне скептически.

¹³⁸ Частным образом, приватно (*латин.*) – занятия на дому.

¹³⁹ См. Helbig 1887. Гельбиг (Helbig) Вольфганг Карл (1839–1915), немецкий археолог-классик, историк античного искусства, исследователь росписей Геркуланума и Помпей. Учился в Геттингене и Бонне, стипендиат (с 1862), второй секретарь (1865–1887) Римского отделения Германского археологического института в Риме. С 1887 женат на княжне Н.Д. Шаховской, после свадьбы вышел в отставку.

¹⁴⁰ См. Reichel 1894; 1901. Рейхель (Reichel) Эрнст Вольфганг (1858–1900), австрийский археолог и историк античного искусства, специалист по микенской культуре. Выпускник Венского университета, после защиты диссертации секретарь Австрийского археологического института в Афинах (с 1898), вместе с эпиграфистом А. Вильгельмом вел раскопки святилища Артемиды в Лусах; член-корреспондент Германского археологического института (1893). Женат на старшей дочери О. Бенндорфа.

ству. Широта взглядов, тонкость замечаний, умение обобщать частности придавали изложению громадную ценность. Москва в лице Ключевского, Стороженко¹⁴¹, Виноградова блистала мастерами популярных лекций. Шрейбер мог смело стать ровень с любым из них.

Но это был единственный западный профессор, которого я рискнул бы поставить на один уровень с русскими. Это меня убеждало, как высок был состав преподавателей нашего института. Их немецким коллегам больше всего мешал тот отвратительный *Koterienggeist*¹⁴², который заставлял хвалить и признавать только свой приход, не видя ничего доброго за пределами «своей» школы. Узкая нетерпимость слепила им глаза и превращала их в Нарциссов, неспособных ценить чужие мысли. Наши учителя от этого высокомерия были свободны. Может быть, отчасти и поэтому было так приятно у них учиться. Вечная им память и благодарная хвала!

Обычно я зимой усердно вчитывался в труды отдельных ученых, и кто меня особенно увлекал, с теми я летом старался лично познакомиться. На лето 1914 г. после Россбаха были у меня намечены Ф. Дун и Ф. Шелль¹⁴³ в Гейдельберге, но приближение войны, признаки которой были очевидны, заставили меня вернуться домой. За год до этого в Вене я много провел времени в беседах с Э. Рейшем¹⁴⁴, передавшим мне отдел *Scaenica* у Pauly–Wissowa¹⁴⁵, и E. Hauler'ом¹⁴⁶. Очень жалею, что не застал Фалена. Но Виламовиц был мне так противен и своими писаниями, которые Ф.Е. Корш называл «безмозглыми», уверяя, что он не немец, а поляк, и

¹⁴¹ Стороженко Николай Ильич (1836–1906), литературовед, специалист по английской литературе; магистр (1872), доктор (1878) всеобщей истории литературы; член-корреспондент ПАН по ОРЯС (1899). Выпускник ИФФ МУ (1860), совершенствовал образование за границей (1865, 1867–1869, 1873, 1876), жил главным образом в Англии. Преподаватель кафедры истории западноевропейских литератур (с 1872), экстраординарный (1879–1884), ординарный (1884–1898), заслуженный ординарный (1898–1906) профессор кафедры всеобщей истории литературы, секретарь ИФФ (1882–1884) МУ, преподавал в Московском театральном училище и на ВЖК. С 1881 вице-президент Нового шекспировского общества в Лондоне. Главный библиотекарь Румянцевского музея (1893–1902), профессор Dramатических курсов (1888–1904), председатель Московского литературно-театрального комитета при Малом театре (1893–1906).

¹⁴² Дух котерий (*нем.*) – дух кланов, своекорыстных группировок.

¹⁴³ Шёлль (Schöll) Фриц (1850–1919), немецкий филолог-классик, латинист, специалист по римской литературе. Учился в Гёттингене (1869–1870) и Лейпциге (1871–1874), адъюнкт Русского филологического семинария в Лейпциге (с 1875), профессор Гейдельбергского университета (с 1877). Исследователь творчества и издатель произведений Плавта, Цицерона, Варрона и др.

¹⁴⁴ Рейш (Reisch) Эмиль (1863–1933), австрийский антиковед, археолог, автор книги «Das griechische Theater» (1896), редактор отдела «Scaenica» в энциклопедии Pauly–Wissowa; профессор кафедры классической археологии университетов в Инсбруке (с 1894) и Вене (с 1898), декан философского факультета (1910–1911) и ректор (1916–1917) Венского университета; действительный член (1899), вице-директор (1907), директор (1910) Австрийского археологического института; член-корреспондент (1904), действительный член (1907) Австрийской АН; член-корреспондент (1888), действительный член (1894) Германского археологического института.

¹⁴⁵ Б.В. Варнеке являлся редактором театрального раздела «Реальной энциклопедии классических древностей» Паули–Виссова.

¹⁴⁶ Хаулер (Hauler) Эдмунд (1859–1941), австрийский филолог-латинист, палеограф, профессор Венского университета (с 1896), председатель «Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum» (CSEL) в Вене, соредактор серии «Dissertationes philologiae Vindobonenses».

своей чванной личностью, о чем мне много говорили в Гёттингене, где он оставил о себе прескверную память. От этого я проездами через Берлин всегда избегал бывать на его лекциях. Хотелось мне там послушать философа В. Дильтея¹⁴⁷, но всякий раз он оказывался в отъезде, сопровождая на воды августейших вдов.

Перебирая в памяти имена таких людей, как слабо очерченные здесь признательным пером Шварц, Корш, Цветаев, Соколов, Мюллер, Помяловский, Зелинский, Никитин, Жданов, невольно восклицаешь вместе с Лермонтовым:

Да, были люди в наше время.
Богатыри!

Литература

1. Аксер Е. 2012: Тадеуш Зелинский среди чужих // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. Вып. IV. СПб., 12–31.
2. Анциферов Н.П. 1992: Из дум о былом. Воспоминания / Вступ. статья, сост., примеч. и аннотир. указ. имен. А.И. Добкина. М.
3. Аристофан 1912: Плуток (Богатство). Комедия, приспособленная к современному театру Н. Евреиновым, в 1 действии и 2 картинах. СПб. (литогр.).
4. Басаргина Е.Ю. 2004: Вице-президент Императорской Академии наук П.В. Никитин. Из истории русской науки (1867–1916 гг.). СПб.
5. Беляев Н.С. 2006: Борис Леонидович Богаевский – веки жизненного пути... / Публикации и документы. Научн. сб. СПб. (Преподаватели Российской академии художеств. 1), 4–37 (со списком трудов).
6. Благой Д.Д. 1931: Социология творчества Пушкина. Этюды. М.
7. Боровский Я.М. 2009: Opera philologica / Изд. подгот. А.К. Гаврилов, В.В. Зельченко, Т.В. Шабурина. СПб.
8. Варнеке Б.В. 1907а: Рец.: Театр Еврипида. Т. 1 / Пер. И.Ф. Анненского // Гермес. 1, 8–10.
9. Варнеке Б.В. 1907б: Рец.: Театр Еврипида. Т. 1 / Пер. И.Ф. Анненского // ЖМНП. 5. 2, 226–237.
10. Варнеке Б.В. 1908: Новый сборник документов по истории аттического театра // УЗКУ. 1. Критика и библиогр., 1–32 (отд. оттиск – Казань).
11. Варнеке Б.В. 1913: Памяти И.В. Цветаева // Записки Имп. Одесского общества истории и древностей. 31, 139–143 (Отд. отт. – Одесса, 1913).
12. Варнеке Б.В. 1914а: Актеры древней Греции // Ежегодник Императорских театров. 5, 1–24; 7, 114–125 (отд. изд. – Одесса, 1918).
13. Варнеке Б.В. 1914б: Памяти Ф. Лео // ЖМНП. 3. Совр. летопись, 1–7.
14. Варнеке Б.В. 1983: И.Ф. Анненский // Лавров А.В., Тименчик Р.Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1981. Л., 71–76 (текст), 126–132 (комментарии).
15. Вольфцун Л. 1997: Amata mea // Звезда. 4, 178–184.
16. Гревс И.М. 1899: Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). СПб. Т. I.
17. Гораций Флакк К. 1895: Оды и Эподы с примечаниями Лукиана Мюллера. Изд. 3-е. СПб. (изд. 4-е. СПб., 1906; изд. 5-е в 2-х ч. СПб., 1914).
18. Двадцатипятилетие... 1912: Двадцатипятилетие учено-педагогической деятельности проф. Я.А. Денисова // Гермес. 17, 447–449.
19. Денисов Я.А. 1898: Дохмий у Эсхила. Харьков.
20. Еврипид 1898: Ифигения-жертва. Античная трагедия / Пер. И.Ф. Анненского // ЖМНП. 3. 5, 97–147; 4, 1–27 (отд. оттиск – СПб.).
21. Еврипид 1906: Театр Еврипида. Полный стихотворный пер. с греч. всех пьес и отрывков, дошедших до нас под этим именем. В 3-х т., с двумя введениями, статьями об отдельных пьесах и объяснительным указателем И.Ф. Анненского. СПб. 1.

¹⁴⁷ Дильтей (Dilthey) Вильгельм (1833–1912), немецкий философ, специалист по философии истории, профессор Берлинского университета, брат филолога-классика К. Дильтея.

22. *Еврипид* 1916–1921: Театр Еврипида. Пер. [в стихах] со введ. и послесл. И.Ф. Анненского под ред. и с коммент. Ф.Ф. Зелинского. В 3-х т. М.
23. *Жданов И.Н.* 1895: Русский былевой эпос. Исследования и материалы. Т. I–V. СПб.
24. *Жданов И.Н.* 1904: Н.В. Гоголь. СПб. (литогр.).
25. *Жданов И.Н.* 1904–1907: Сочинения. Т. 1–2. СПб.
26. *Жданов И.Н.* б.г.: История русской литературы. СПб. (литогр.).
27. *Жебелёв С.А.* 1901: Панतिकопейские Ниобиды. СПб.
28. *Жебелёв С.А.* 1903: АХАИКА. В области древностей провинции Ахайи. Эллада под римской властью с 146 г. до н.э. до Диоклетиана. СПб. (ЗИФФПУ. 71).
29. *Жебелёв С.А.* 1914: Памяти И.В. Цветаева // Записки РАО. Нов. сер. 8, 352–362.
30. *Жебелёв С.А.* 2002: Из научного наследия. Записка о присуждении ученых степеней С.А. Жебелёва / Предисл., публ. и прим. И.В. Тункиной // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. М., 142–194.
31. *Зелинский Ф.Ф.* 1900а: Из экономической жизни древнего Рима // Вестник Европы. 8, 586–624.
32. *Зелинский Ф.Ф.* 1900б: Рец.: *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). СПб., 1899. Т. I // ЖМНП. 6, 2, 156–173.
33. *Зелинский Ф.Ф.* 1911: *Vince, Sol!* // Из жизни идей. Научно-популярные статьи проф. Санкт-Петербургского университета Ф.Ф. Зелинского. Т. 2. Древний мир и мы. Изд. 3-е с прилож., 379–412.
34. *Зелинский Ф.Ф.* 1912: Трагедия верности // Вестник Европы. 1, 135–182.
35. *Зелинский Ф.Ф.* 1914–1915: Софокл и героическая трагедия // *Софокл.* Драмы. М., 1914. 1, XI–XVII; 1915. 2, VII–XXVI.
36. *Зелинский Ф.Ф.* 1915: Софокл и сатирическая драма // *Софокл.* Драмы. М. 3, 129–160.
37. *Зелинский Ф.Ф.* 2012: Автобиография / Пер. с нем. А.И. Рубана; комм. А.И. Рубана при участии В.В. Зельченко // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. Вып. IV. СПб., 46–197.
38. *Зенгер Г.Э.* 1886: Критический комментарий к некоторым спорным текстам Горация. Варшава (2-е изд. 1894).
39. *Иванов В.И.* 1923: Дионис и прадионисийство. Баку.
40. *Кареев Н.И.* 1900: Книга г. Гревса о римском землевладении // Русское богатство. 11. 2, 1–27; 12. 2, 1–20.
41. Книга памяти... 2000: Книга памяти Ленинградского – Санкт-Петербургского университета. 1941–1945. СПб. Т. 2.
42. *Котляревский Н.А.* 1903: Николай Васильевич Гоголь. СПб.
43. *Куклина И.В.* 1999: В.К. Ернштедт: обзор научного рукописного наследия // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / И.П. Медведев (ред.). СПб., 68–122.
44. *Кулаковский Ю.А.* 1897: Смерть и бессмертие в представлениях древних греков. Извлечение из публичных лекций // Космополис (Cosmopolis). 8. 16–36; 9, 37–48.
45. *Лукьянченко О.А.* 2002: Вертикаль жизни (наброски к биографии Ф.Ф. Зелинского) // *Зелинский Ф.Ф.* Римская республика / Пер. с польск. Н.А. Папчинской. СПб. (Античная библиотека. Исследования), 5–22.
46. *Малеин А.И.* 1900: Марциал. Исследование в области рукописного предания поэта и его интерпретация. СПб.
47. *Малеин А.И.* 1905: Рукописное предание загадок Альдгельма. СПб.
48. *Миллер В.Ф., Кнауэр Ф.И.* 1891: Руководство по изучению санскрита. (Грамматика, тексты и словарь) / Сост. В.Ф. Миллером, проф. Московского университета, и Ф.И. Кнауэром, проф. Киевского университета. СПб.
49. *Морозов Н.А.* 1915: Лингвистические спектры // ИОРЯС. 20. 4, 93–134.
50. *Никитин П.В.* 1882: К истории афинских драматических состязаний. СПб. (ЗИФФПУ. 11).
51. *Никитин П.В.* 1912: Теодор Гомперц (1832–1912) // ИАН. Сер. 6. 15, 927–936.
52. *Никитин П.В.* 1916: Греческий «Скитский» Патерик и его древний латинский перевод // ВВ. 22 (1915–1916). 1–2, 127–171.
53. *Николаев Н.И.* 1997: Судьба идеи Третьего Возрождения // MOYSEION. Профессору Александру Иосифовичу Зайцеву ко дню семидесятилетия. Сб. ст. СПб., 343–350.
54. *Николаев Н.И.* 2006: Идея Третьего Возрождения и Вяч. Иванов периода Башни // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 226–234.
55. *Олсуфьев А.В.* 1886: Ювенал в переводе г. Фета [Рец.: *Д. Юния Ювенала* Сатиры. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1885] графа Ал.В. Олсуфьева. СПб. (первоначально: ЖМНП. 1886. 2; 3; 5; 8).

56. *Олсуфьев А.В.* 1891: Марциал. Биографический очерк. М. (первоначально: ЖМНП 1891, 273–274, прилож.).
57. *Павлов А.С.* 1896: Подложная дарственная грамота Константина Великого папе Сильвестру в полном греческом и славянском переводе // ВВ. 3, 18–88.
58. *Перетц В.Н.* 1931: В.В. Сиповский // Известия АН СССР. Сер. 7. Отд. общ. наук. 3, 269–274.
59. *Петров Д.К.* 1901: Очерки бытового театра Лопе де Веги. СПб. (ЗИФФПУ. 60).
60. *Пиотровский А.И.* 1969: Театр. Кино. Жизнь [Избранные статьи и воспоминания об А. Пиотровском] / Сост. и подг. текста А.А. Акимовой; вступит. статья С.Л. Цимбала; примеч. Т.Ф. Селезневой и А.Я. Трабского. Л.
61. *Пучков А.А.* 2004: Юлиан Кулаковский и его время. Из истории антиковедения и византистики в России. Изд. 2-е, перераб., испр. и доп. СПб.
62. *Пучков А.А.* 2011: Адольф Сонни, киевлянин. Из истории классической филологии в Императорском университете Св. Владимира. Киев.
63. *Ростовцев М.И.* 1900: Рец.: *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). СПб., 1899 // Мир божий. 4. 2, 95–99.
64. *Сакулин П.Н.* 1912: Русская литература после Пушкина. В 3-х ч. М.
65. *Сонни А.И.* 1913: И.А. Лещиус // Университетские известия. Киев. 12, 206–207.
66. *Софокл* 1914–1915: Драмы / Пер. с введ. и вступ. очерком Ф.Ф. Зелинского. В 3-х т. М. (Памятники мировой литературы. Античные писатели).
67. *Тихонов И.Л.* 2012: Хранитель древностей – Г.Е. Кизерицкий // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию С.В. Кузьминых / А.С. Вдовин, И.В. Тункина (ред.). Санкт-Петербург–Красноярск, 70–82.
68. Труды... 1900: Труды высочайше утвержденной комиссии по вопросу об улучшениях в средней общеобразовательной школе. СПб. 1. Журналы комиссии; 2. Труды подкомиссий (на правах рукописи).
69. *Тункина И.В.* 2002: Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.
70. *Тункина И.В.* 2011: Б.В. Варнеке и его воспоминания об ученых // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. 1 / М.Д. Бухарин (ред.). М., 435–466.
71. *Фармаковская Т.И.* 1988: Борис Владимирович Фармаковский. Киев.
72. *Фихман И.Ф.* 1995: Г.Ф. Церетели в петербургских архивах: Портрет ученого // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / И.П. Медведев (ред.). СПб., 226–258.
73. *Цветаев И.В.* 1902: Из жизни высших школ Римской империи // Вопросы философии и психологии. 62, 954–1030; 63, 1091–1136 (отд. изд. – М.).
74. *Церетели Г.Ф.* 1914: Новые комедии Менандра // УЗЮУ. 5–6. I–X, 1–495 (отд. изд. – Юрьев).
75. *Шестаков С.П.* 1901: Д.Ф. Беляев. Некролог // ЖМНП. 1. 4, 9–31.
76. *Ярхо В.Н.* 2000: Адриан Пиотровский – переводчик Аристофана // *Аристофан*. Комедии / Пер. А. Пиотровского. М. (Литературные памятники), 936–960.
77. *Bulle H.* 1928: Untersuchungen an griechischen Theatern / Aufnahmen u. Zeichnungen von H. Wirsing; Beiträge von K. Lehmann-Hartleben; H. Möbius; W. Wrede. München. (Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-philol. und hist. Kl. Bd. 33).
78. *Compte Rendu...* 1860–1883: *Compte Rendu de la Commission Impériale archéologique pour les années 1859–1881*. Vol. 1–21. SPb.
79. *Furtwängler A.* 1893: Meisterwerke der griechischen Plastik. Kunstgeschichtliche Untersuchungen. Lpz–B.
80. *Helbig W.* 1887: Das Homerische Epos aus den Denkmälern erläutert. Lpz.
81. *Kieseritzky G., Watzinger C.* 1909: Griechische Grabreliefs aus Südrussland. B.
82. *Leo F.* 1901: Griechisch-Römische Biographie nach ihrer literarischen Form. Lpz.
83. *Leo F.* 1912: Plautinische Forschungen zur Kritik und Geschichte der Kömodie. B.
84. *Lindsay W.M.* 1907: Syntax of Plautus. Oxf. (repr. Osnabrück, 1988).
85. *Plautus, T. Maccius* 1906–1914: *Comoediae* / Ex rec. Georgii Goetz; Friderici Schoell. Fasc. 1–7. Lpz.
86. *Pliiss H.T.* 1904: Das Jambenbuch des Horaz: Im Lichte der eigenen und unserer Zeit. Lpz.
87. *Reichel W.* 1894: Über homerische Waffen. Wien.
88. *Reichel W.* 1901: Homerische Waffen. 2. überarb. Aufl. Wien.
89. *Schuchhardt W.H.* 1956: Adolf Furtwängler. Freiburg i. Br.
90. *Wilhelm A.* 1906: Urkunden dramatischer Aufführung in Athen. Wien.